

Константин и буквы

Константин Ольмезов

Константин и буковки

Константин Ольмезов

1995–2022

**LER
MON
TOVA**
PUBLISHING

2022

Константин и буковки. Константин Ольмезов;
Рисунок на обложке: Злата Каризская. — София: Lermontova publishing,
2022. — 148 с.

Все права защищены. Настоящая книга, целиком или частично не может быть воспроизведена никакими средствами, включая электронные, фотографические, звукозаписывающие или любыми другими средствами передачи информации без разрешения издателя.

Память о друге

С Костей я познакомился в Донецке до войны 2014 года. Он играл в театре «О». Мы с ним выступали на разных литературных вечерах. У него всегда были очень такие «громоздкие» стихи. Но при этом удивительная манера декламировать. Он так по-детски болтал руками, так ходил по сцене, жестикулируя в такт ритмике стиха, что я улыбался. Он мог часами говорить о литературе и читать наизусть. Всегда улыбался своей искренней улыбкой и так спокойно говорил: «Я написал новое. Приходи сегодня в кафе, там сегодня поэты выступают. Послушаешь». Это Костя Ольмезов с его улыбкой, глубокими стихами и детским выражением лица.

Арсен Терованесов

Артисты из бродячей филармонии
Смычками воздух красят в переходах,
На две секунды выстроив гармонию
Меж человеком и его природой.
Футляр открыт и нам уже привычно
Купюру для талантов положить.
И это плата, в общем-то, обычна
За то, чтоб в этих нотах жизнь прожить,
Услышав перебор виолончели,
Скольжение скрипичного смычка,
Почувяв в этом пение метели
И в воздухе почувствовав себя...
Мы привыкаем (это очень просто)
К извечной бедности любого, кроме нас,
Не ощущая недостаток острый
Той мелочи, им брошенной подчас.
А ведь они, наверное, учились.
Наверно, для великих сцен росли.
И как же просто их мечты забылись
С необходимостью такого вот пути.
Но как непросто, выставив попитры,
Вечерним трио разрывая переход,
Ни разу за игру не сбившись с ритма,
Писать для нас проекцию высот.
Они уходят в ночь, откуда вышли.
Они придут опять. Уже другими.
И стоны скрипок снова будет слышно
Сквозь время, тьму и переход отныне.

Смотри на них и думай о своём,
Перебирай остаточные мысли
И вспоминай и свой душевный дом,
И прочие мгновенья этой жизни.
Смотри на них и чувствуй этот звук,
Который, проходя людей и годы,
Величественно красит всё вокруг,
Заглаживая прежние невзгоды.
Вот так и ты живёшь и красишь всё
Своим смычком, подаренным судьбою!
И пыль веков смешала волшебство,
Рисуемое звуком в переходе.

2013

Спроси у прохожего — может быть, он знает, как пройти
К площади той, на которой назначена встреча?
Ты обошёл все улицы, но впереди
Где-то ещё одна остаётся пока незамеченной.
Это пустой переулок, заброшенный двор —
С грязным подъездом, с железной дверью скрипящей.
Три комнатухи и лестницы старой простор —
Вот повсеместный стандарт повседневного счастья.
Ну, заходи! Приглашаю к себе погостить!
Что? Ты не хочешь? Здесь лампочек море натыкано,
Здесь батареи нас греют. Ну да, не камин —
Но, чем богат... Не балуюсь высокими играми.
Впрочем... Тебе же на площадь. Конечно... Иди...
Вон проезжает машина — проследуй за фарами.
Что тебе дом мой? Хотя он у всех впереди,
Всё же ты думаешь о повороте направо!

Вынесу мусор я, общий подъезд подмету,
Диван оседлаю, под вечер включу телевизор.
Фраза в прямых новостях прозвучит на лету —
На площадь десятый уж раз скорой помощи вызов.

2013

У нас на асфальте мальчик рисует замки.
Он их рисует не как художник, но всё же рисует.
Наша улица находится между трассой и свалкой —
В общем, жилая местность — часто гуляют люди.
Люди идут по асфальту и каждому нужно
Бросить свой взгляд на замки, включив улыбку
И переступив их тотчас же, разрушив хрупкую
Часть стены или узоры на ярких крышах.
Мальчик рисует дальше стёртые линии.
А иногда машина, бывает, сигналист
И мальчик бежит домой. А весной участились ливни.
Поэтому очень часто замки рисуются заново.

Я каждый день хвалю его, выходя на работу из дому,
Мол, «Молодец! Так держать! Стёрли — перерисовывай!».
А вот его родители всё терзаются жуткими мыслями
И не выходят на улицу, ссылаясь на то, что холодно.
А ещё год назад многим моим соседям
Стало вдруг резко жаль белых картин на асфальте.
Обсудили ситуацию. Сошлись на том, что перекрыли движение,
Разобрали машину и на металлолом сдали,
Мальчику обещали, что остановят ливни.
Правда, потом примчались машины новые
И соседи, повторно всё обсудив, утихли.
Мальчик рисует замки, строит проект города.

Мальчику надоели люди, дожди, машины.
Мальчик хочет картину, мальчик не хочет заново.
Родители выходить ему на улицу запретили.
Им до сих пор боязно — ещё холоднее стало.
Мальчик в отсутствие доступа к уличному асфальту
Разрисовать решил стены своего дома.
Люди у окон часами, наблюдая, стояли.
Он, не жалея времени, рисовал город.
Город всё рос в размерах, стены почти закончились,
Мальчик хотел выше. У мальчика были планы.
Он работал всю ночь — где-то всходило солнце,
Мальчик хотел к городу дорисовать окраины...

Люди шумели, радуясь: «Сделал! Ура! Смог ведь!».
Мел доходил до края крыльца и спешил на улицу.
Родители ему кричали: «Стой! Куда! Холодно!».
Он рисовал город. Он никого не слушался.
А машины всё так же ездили, водитель следил за дорогой.
Водителям просто некогда отвлекаться на замки на стенах...
А он рисовал на асфальте, не поднимая глаз к городу.
И признали невиновным, того кто сигналил и переехал.
Я приходил потом на короткие похороны.
Родители всё плакали, что он этих замков хотел.
Мне не хватает замков, когда я возвращаюсь с работы.
У меня хорошая работа. Я добываю мел.

2013

Бетельгейзе, несомненно, больше солнца —
Этот факт неоспорим и всем заметен.
Но заметен, правда, только по расчётам —
Бетельгейзе нам ни капельки не светит.

Мы детально просчитали всю структуру
И химический состав звезды далёкой.
Только днём нам кроме солнечного круга
Ничего не освещает небосвода.

И, прокладывая путь к экзопланетам,
Вырастает круг небесного просмотра!
А луна всё так же нам ночами светит,
Ни для света, ни для жизни не пригодна.

Я не против восхваления размеров
Протяжённых и огромных тел небесных,
Но лишь наше положение во вселенной
Нас луной и светом солнца обеспечит.

2013

Расцвела трава! Бунтом зиме прошедшей
Расцвела!
Тонкий лист пробился сквозь землю, окрепши!
Весна!
После зимних дней, побитый дождём холодным,
Вырос лист!

Парк усеян травой. Многолюдный город
Продолжает жизнь.

2013

Слива спелая, что ж ты падаешь!
В море зелени красовалась ты
Выше всех и до солнца близко так,
Но упала ты в землю нечистую.

Я хотел подойти и тебя спасти
И почувствовать вкус твоей сладости,
Но на дереве только зелёные
Вижу сливы никем не сорванные.

И, коль хватит угла обзора мне,
То найду я тебя и на земле
И, не смотря на побитость завтрака,
Съем я сливу самую сладкую.

2013

Мне нравится ездить в троллейбусе с номером пи.
Там добрый водитель, в салоне не тесно, прохладно.
Мы радостно всем проезжающим мимо машинам сигналим!
Я красного света не видел ещё на пути.
А в третьем троллейбусе душно, и шум, и возня,
И скорости малые, и пассажиры крикливые.
А за неуплату проезда в секунду вышвыривают.
И в пробках к тому же, бывает, по часу стоят.
Четвёртый троллейбус медлительностью не грешит —
Ему светофор не помеха и крики гаишника.
За поручень держится, в страхе вперёд не глядя, пассажир
И ветер от скорости каждого выбросит лишнего.
Троллейбус под номером пи не стремится вперёд,
Троллейбус под номером пи не стремится к статичности.
Водитель троллейбуса знает любой светофор
И едет на полную мощность когда они выключены.

2013

Забери меня к себе
В неизвестные причалы,
Где зайти за перевалы
Можно на одной судьбе,

Где щебечет соловей
Круглый день и ночь сплошною.
Да, туда, где не воюют,
Забери меня скорей.

Забери меня к себе
В край морей и в зелень леса,
Где не льёт дождя завеса,
Где порядок есть везде.

Забери меня к себе,
В сон июльский ночью лунной,
За мелодией трёхструнной,
На картинку в пустоте.

2013

Загадочность стремлений — будто круг
При бесконечности охваченного мира.
Вы вроде повернули как-то вдруг,
Хоть год за годом всё стабильно было.
Вы ехали по колее земной,
По ленте мира. Коль не придирайтесь —
Круг обретает контуры прямой,
На поворотах просто удержаться.
Но если проследить захочет глаз
За изменением направления движенья,
За точку зацепившись, может впасть
В линейное, земное притяженье.

2013

Укрыто небо серым покрывалом,
Как будто гром вот-вот достигнет нас.
А на обратной половине шара
Звезда горячим светом вниз упала,
Но небосвод со временем погас.
Звезда упала к нам. И новой ночью
Она взойдёт над серостью небес,
Своим лучом угадывая точно
И освещая скромный наш уезд.
А на обратной стороне планеты
Боятся тучи, что идёт от нас,
Боятся грома и несут ракеты
И направляют прямо в облака.
А мы живём под нежным светом солнца
И синева идёт от облаков
И падают бесчисленные звёзды
За горизонты наших берегов.

2013

Пригородов много,
Всё стремятся в город.
По снегам, по лужам,
По весне, по осени
Все стремятся в город за покупками!
В городе есть чудо —
Мегасупермаркет.
Людям там недорого
Продают товары.
Всё доступно здесь в едином здании!

И искать не нужно
Их, как на базаре —
Прыгают покупки
Прямо в руки сами,
В вакуумных прочных оболочках!
Яблоко червивое
Не сыскать с фонариком —
Так уж всё красиво
В этом супермаркете —
И размер, и форма по стандарту!

Но не наедаются
Почему-то люди.
Что же, на базаре
Овощ лучше будет?
Овощи повсюду одинаковы.
Просто овощ в вакууме —
Собственно, не овощ.
Сам по себе овощ
Значит очень мало,
Как без червяков пустое яблоко.

Прелесть вкуса плода
Объясняет дерево.
В вакууме полоч,
Лёжа по-отдельности,
Все продукты сразу погибают.

2013

Летит по атмосфере новый луч.
Пройдя через подвешенные стёкла,
Он на асфальте контуры фигур
Рисует выделяюще и чётко.

Стекло изрезал трещин лабиринт —
Блестят они на солнце переплётом
Своих путей, величию своим —
На глади чистой стёкол. И обмотан

Их тенью на асфальте образец
Фигуры, что своим существованьем
(Когда принять материи венец)
Стеклу навек обязана. И грани

Её грубы. А трещина блестит,
Взгляд завораживая и переливаясь
На солнце. Но прекрасный лабиринт
В конце концов на теневые заросли,

Я повторяю, жёстко перейдёт!
Так можем ли считать мы, что стекляшка
Луча на землю прерывает ход?
Ведь отпечаток солнца лишь отчасти

Изрезан паутиною теней.
Текущая секунда субъективна —
Что будет со стекляшкой через день
Нам неподвластно знать. Недальновидно

Нам было б вечно трещины винить
В частичном недопрохожденье света.
Жизнь трещин разной может быть длины.
И точка может подпадать под эту

Не очень привлекательную жизнь
Не раз за нахождение в стекляшке.
Так как же нам тогда определить
Её вину и в паутине важность?

От праведника пахнет ремеслом,
А орден должен быть ручной работы!
И трещина коснётся всех сторон
Стекляшки, но лучи былого хода

Замедлить не подумают. А те,
Те точки редкие, что вечность непрерывно
Всё пропускали — никогда не знали дней
Рождения и смерти. И в картине

Статично выступали. Но весь мир
В движенье проявляется извечно.
И смена наступающих картин
Нам в нём, по сути, только интересна.

И именно хождений и путей
Угрюмых линий, а не непрерывность
Всей плоскости, поскольку равность в ней
Всех точек обещает мало жизни.

Ведь как тогда получится — что луч,
Пройдя через стекло, сквозь атмосферу,
Рождает между тем конкретно ту ж
Картину, что вокруг. И лишь размеры

Её чуть меньше. Яркости скачок
Средь этого всего неосязаем.
Основой жизни служит переход
И множество возможных состояний!

2013

Я денег на стекляшку накопил —
Откладывал повсюду понемногу.
Хотя зарплата, в общем-то, мала,
Но, всё же, мне пробил товар кассир
И с благодарностью деньгам и богу
Я шёл домой и он в руке лежал.
Я шёл и вспоминал недалеко
Мне обозримые прошедшие моменты,
Как я томился голодом, страдал,
Отказ давал буквально от всего
И ежедневно каждую монету
Откладывал в огромный арсенал
Звонящей мелочи. И вот он — результат:
Я так мечтал о камне драгоценном,
Но знал — его купить не суждено.
И план давно себе построил я —
Я слез чуть ниже от мечты до цели
И вот предмет реальный приобрёл.

Я внёс его домой — он заблестел
Под светом лампы, весело играя,
И я влюбился в милое стекло.
Я снова вспомнил вереницу дел,
Зарплату и как я не спал ночами.
И свет ещё сильнее его прожёт.
Он мой! И я кручу в руке его,
По гладким граням пробегаю пальцем,
Подбрасываю в воздух, веселясь.
Я накопил! Купил его! Он мой,
Прекрасный камень! Долгожданный праздник!
Мне не видна сквозь стёкла мира грязь.
Подброшу я повыше и словлю!
Опять подброшу и опять по кругу!

Как я перехватил его полёт!
Куда?!... Он ускользает на лету.
Куда?! Под стулом? Где же? Нету друга.
А может, закатился за комод?

Ну да! Вот он блестит! А... Нет, не он.
Передвигаю в суматохе мебель.
Кровать, столы, диваны — всё вверх дном.
Куда же он пропал? Ну нет... Не мог,
Не мог пропасть он! Я на грани бреда...
Продолжу этот поиск с новым днём...
Так я и жил — в безопасности, езде,
Романах, дружбе, выпивке, работе,
Волнении по всяким пустякам...
Ко мне приходит убираться человек —
Пыль протирает, пол и окна моет.
И он мне неожиданно сказал:
«Я под кроватью стёклышко нашёл.
Красивое такое, в ободочке,
Оно блестело в солнечном луче.
Пожалуй, ваше». Сколько лет прошло...
«— Дай посмотреть.» Он острожно очень
Мне протянул его. «— Возьми себе.

Оно в пыли, потеряно давно.
Мне без него жилось и дальше будет.
А раз тебе понравилось, бери.»
Он мне сказал «спасибо» и ушёл.
Ко мне с тех пор приходят часто люди
И каждый хочет стёклышко найти.

2013

Черепаша не бежит из зоопарка
Потому что ей не свойственно бежать,
А не просто потому что ей приятна
Позолоченной решётки полоса.
А под панцирем живут у черепахи
Море, водоросли и подводный мир.
И без разницы ей, сколько денег платят
Посетители чтоб видеть, как красив
Этот панцирь. Всё равно ведь фон асфальта
Убивает черепашью красоту.
Да и ценят черепаху в зоопарке
Лишь за панцирь и морскую глубину.
Этот панцирь крепкий, выкрашенный ярко,
Недоступен для вторжения извне.
Черепаша не бежит из зоопарка
Потому что носит море на спине.

2013

Жил богатырь на свете,
Славный был богатырь.
Его не сломил ни ветер,
Ни множество вражьиx сил.
И после побед походных
Сказал в благодарность царь:
«Теперь у нас всё спокойно.
Спи, богатырь! Отдыхай!»

За подвиг такой великий
Тебя я вознагражу.
Дом тебе дам и книги.
Найди ты себе жену,
Живите остаток в мире.
Вот орден тебе и медаль.
Дело своё ты выполнил.
Спи, богатырь! Отдыхай!»

И был богатырь спокоен,
И с гордостью век свой жил,
Смотрел, как в окошке воин
Бежал на войну служить.
И с чувством отдачи долга
Он слышал сквозь дым и гарь:
«Расширен на карте контур!
Спи, богатырь! Отдыхай!»

Когда ж загремели пушки
У самых границ страны,
Уж поздно к его избежке
Стремилась с полей гонцы.
И стража не ловит вора,
И в небе бесчисленно стай...
Армия входит в город.
Спи, богатырь. Отдыхай...

2013

По вечерам в подвалах серых
Сверкает девушка одна.
Она на невысокой сцене
В угрюмых русских кабаках
Поёт романсы и баллады.
Никто в неё не сыплет градом
Аплодисментов. А в другом
Углу, за будничным столом,
За кружкой свежего разлива
Пьянчут компания сидит.
Как хорошо ни пой, для них
Скрип с пением неразличимы.
И лишь спускается рассвет,
Уходит девушка наверх

И там гуляет «в высшем свете».
Конечно, там уже давно
Все знают про концерты эти
И даже некоторый спор
Они держали с ней за смысл.
Она им излагала мысли
Довольно ясно: «Я пою
Не чтоб развеселить пьянчуг.
И уж тем больше к просвещенью
Охоты не питаю я.
Но вдруг хоть доля кабака
Наверх пойдёт за этим пенъем.
Хотя бы чтобы посмотреть,
Как здесь легко и просто петь.

Ведь там достаточно сложнее!»
Но новый был упрёков шквал:
«Твой вид сближает с просветленьем,
Но ведь пьянчуга сквозь бокал,
Заполненный вином, не может
Тебя увидеть. Значит, должен
Бокал он этот осушить.
А после этого вся была
Искажена в его сознании —
Не протрезвеет до утра.
У них заполненный бокал
Всегда по вечерам поставлен
Перед лицом.» «А я пою.
Я всё равно пою. А вдруг,

Туда какой-нибудь прохожий
Зайдёт. Тогда не дам ему
Остаться там ни каплю дольше,
Чем нужно. А насчёт пьянчуг
Скажу я вам определённо —
У звука есть свои законы.
Доходит пение моё
До них — я сладкое вино
Блаженным звуком заряжаю.
И все картины и дома
У них лежат внутри вина.
И близится момент, когда я
Увижу, как они придут
И обливаться вас им начнут.»

2013

Над городом, страной, над половиной шара
Вот-вот возникнет ночь извечным полотном.
Шумят машины за моим окном
И там идёт всё по людскому ладу —
Идут влюблённые, смеясь, меж фонарей,
Идут автобусы, толкаются в них люди,
Идут из неба новые к нам бури,
Идёт старушка лечь в свою постель...

А ночь придёт такая же опять
И через сутки к нам и через двое.
В такую ночь сдавались армии без боя,
В такую ночь на роту шёл солдат.
В такую ночь гуляли под луной
Отцы и матери учёных и поэтов,
В такую ночь в забытой пьесе где-то
Отдельно жили героиня и герой.

В такую ночь стою, смотрю в окно —
Гремит трамвай, мигают светофоры...
И с этой точки зрение на город
Спустившаяся ночь...
Простая ночь.

2013

С подсвечником не всё так просто —
Он здесь стоит который год.
Но свечи заменяют солнце
И речь всегда о них идёт.

А ночь, как должно, наступает
На землю, поглощая всё —
Лишь дождь пестреющую стаю
Слегка светящихся несёт.

Но отблеск отдаёт подсвечник
От еле видных в окна звёзд,
Который затмевает свечи
И первый глазу свет даёт.

2013

Дороги протянутся далеко,
Поскольку приказ в государстве вышел —
Кто больше проложит дальних дорог,
Тот будет наградой и званьем выше!

Однажды один навсегда ушёл —
Он всем утверждал, что дойдёт до края,
Где новые страны скрыл горизонт.
Вестей от него с тех пор не слыхали.

Решили, что съели его года,
Что эта дорога не даст просторов.
А в это же время везде борьба
Жестокая шла за другие дороги.

На каждых ста километрах пути
Героями строились радиовышки,
Чтоб было им в город легко доложить,
Насколько они стали к цели ближе.

И спонсоры были, работал приказ.
Людей — миллионы! Усилий — годы!
Но ставили вышку дольше в пять раз,
Чем строили сто километров дороги.

2013

Взял я вино дорогое за несколько тысяч. Наслышан
Был ото всех я о вкусе его и прекрасной природе.
Чтобы, испив, я почувствовал вкуса изящество выше,
Пить сей напиток я в серой решил и пустой подворотне.
Правда, друзья мои близкие, вечно работой забиты,
Больше питаются хлебом обычно, чем чувствуют сладость
Тонких напитков. И даже когда вдруг однажды нашли мы
Время, зашли в подворотню, то штопора не оказалось.
Мы во дворах поискали, но всё бесполезно. Ушли мы.
Я же вино постоянно с собою ношу и повсюду
Хвастаюсь я перед всеми божественным этим напитком.
Но слишком долгой ходьбы бесполезной бутылка не любит.
Как-то, когда поднимался я утром в обычный свой офис,
Звякнула громка бутылка об угол ступеньки. Рекою
Сразу вино потекло и запахло вином. Запах бросил
В ужас начальника. Был я с позором с работы уволен.
Я продавцом в магазине сегодня стою, наблюдая
Сотни людей, вопрошающих, есть ли вино подешевле.
Пьют они эту подделку потом, наслаждаясь, с друзьями.
А для оценки вина им одной не хватает ступеньки.

2013

«— Я ухожу из хора! — он кричал, —
Мне надоело мерзкое звучанье.
Фальшивили мы ноты изначально,
А нынче нас и слушать не хотят!».

«— Постой! — ему в ответ, — Ты с детства пел
И был отличник в этом сложном деле.
Как без тебя возможно наше пенье?
Тогда нам замолчать придётся всем.»

«— Так дайте мне отдельно зазвучать!
Я сольных для себя хотел бы партий!
Тогда, поверьте, будет петься ярко
Любая нота, каждая деталь...»

«— Не можем соло мы тебе давать,
Но и бросать ты пение не можешь.
Мы часто здесь поём одно и то же,
Но лишь отсюда можешь ты звучать.»

«Я буду петь.» — ответил твёрдо он.
Но, гордый, пел лишь в половину силы.
Концерт провальный, хоть герой красивый
И обвиняет он, конечно, фон.

2013

Рабочие, не нарушающие порядка,
Копошатся в безмерно растущем городе.
Я подхожу к банкомату,
Снимаю деньги, а он мне
Пишет о вырубке леса:
«Чек, — говорит, — не печатай!»
Надпись, конечно, полезная,
Только я думаю сразу:
Вот когда инженерами знающими
Этот банкомат разрабатывался,
Сколько бумаги было потрачено
На проектную документацию?
А когда на заводах гремящих
Его детали вытачивали,
Сколько бумаги было потрачено
На производственную документацию?
И теперь он про лес мне кричать пытается...
А питается от электростанции!
Сколько топлива сжигается и бумаги тратится
На текущую документацию!..
Чек печатать не буду, конечно же.
Но что я ещё сделаю...
Вот уже я порядку следую.
Только надо посадить дерево.

2013

Ни дня арена не пуста —
Все вечно выясняют, кто же
Сильнейшего в стране бойца
Заслужит звание и должность.
Пока, большую видя роль,
Я снова битву начинаю,
Новоявившийся герой
Вдали жонглирует мечами.

Все победители лежат,
Забыты веком и толпою.
Герой является тогда,
Когда уже не видно крови,
И вызывает в новый бой
Всех выживающих в финале.
И гибнут те. А до того
Герой жонглирует мечами.

Я смерть рождал уже не раз,
Мне пьедесталы не далёки.
Герой не защищён, сейчас
Я и его смету с дороги!
Он ляжет под моим мечом!
Он может быть смертельно ранен!
Но неприкосновенен он
Пока жонглирует мечами.

А если ввяжется страна
В войну за воздух и свободу,
Всегда от лучшего бойца
Зависят важных битв исходы.
И получивший эту роль
Судьбу народов разрешает.
И это должен быть герой,
Что здесь жонглирует мечами.

И пусть героем будет он,
И пусть страну прославит в войнах.
Но говорят со всех сторон,
Что нет в стране солдат достойных.
Что нужно всем в последний бой!
Что наши люди погибают!
Я это слышу. А герой —
Герой жонглирует мечами.

Но он придёт! Ещё придёт
И всем покажет нашу силу!
И даст рождённый им восход
Не видеть прежние могилы.
И в этом есть большая роль...
Зачем я битву начинаю?
Ведь он возникнет! Но герой
Ещё жонглирует мечами...

2014

I

Пошёл потоп. Не дождь, а небольшой
Снежок. Из школ повыбегали дети
И, радуясь, кидались белизной.
Сначала, правда, не по всей планете.
В стране, где выпал первый снег, в те дни
Повысилось нашествие туристов.
Поражены возможностью лепить,
Все страны охладели очень быстро.
А новый получив материал,
Ещё и мерно падающий с неба,
Его решили за основу взять.
Объединившись, принялись за дело —
И снег уже через десяток лет
Везде лежал и мира не боялся.
Вся белая, среди пустых планет,
Земля смеялась над безлюдным Марсом.
Чтоб любовались белым полотном
Его себе построившие люди,
Светило солнце. И блестел на нём
Огромный город в новой краске будней,
Блестела новых улиц суета
И между ровных ледяных построек
Приятно было жителям шагать,
Размеренно ступая и спокойно.

II

И не без пользы оказался снег —
Не только очищая виды улиц,
Он также показал, что человек
Способен жить, о мире не волнуясь.
От снега эпидемии ушли
И вредных мелких тварей стало меньше,
А с ростом современной стены
Домов несхожесть соблюдалась легче!
И снежных статуй солнечный покой,
Крепчайших статуй в светлых переливах,
И комната за ледяной стеной,
Под солнцем дали жить вполне красиво.
Когда уже повадились лепить
Людей из снега, а потом и бомбы,
И сразу, не сбивая аппетит,
Народы, страны, нормы и законы,
Блеск начал увеличиваться вдруг.
К температуре люди были строги,
Но солнце разрасталось и вокруг
По мелким каплям первые потоки
Сочились где-то на пустых местах,
Где на фундамент покрывал блестящих
Никто не поместил не то что храм,
Но даже дом и двух людей ворчащих.

III

В пустых просторах мелкие ручьи
Перерастали в снежные паденья
И, прежде бывший ровным, этот мир
Увидел разность высоты на время.
И сразу после этого вода,
Мощнейшею волною расширяясь,
Окутала дома и города —
Лишь небоскрёб стоял ещё, шатаясь
(Тот небоскрёб построен был давно
Из кирпича и древних технологий,
В которых не использовался лёд,
Был крепок и для лепки не пригоден).
Произошло в течении часов
Крушение зданий, таяние мира.
Людей сносил звереющий поток...
Не знаю, как возможно это было,
Но в панике вбежал я в небоскрёб,
До верхних этажей успел подняться.
Когда на крыше оказаться смог,
Сравнил картины я Земли и Марса
И разность только в цвете увидал.
Но было не до этого. На крыше
Меня этаж над миром возвышал.
Но поднималась и вода всё выше.

IV

Я не лепил из снега городов
И стен я изо льда не ставил крепких.
Но смерть, а не оценки нёс поток.
Нет оправданья там, где нет оценки.
Я выше всех! Я встал на небоскрёб,
На прочный камень со свободой взгляда!
Но, если бы не пляшущий поток,
Я б лифт себе не вызвал никогда бы.
Все потонули. Я пока что жив.
Вода ревёт, но далеко вершина.
С земли совсем не виделось вершин,
Особенно при снегопадах сильных...
Я не причастен к снегу и в поток
Никак не должен был упасть со всеми —
И вот на крыше я! Но лишь потоп
Меня загнал на крышу... Сверху зренье
Моё легко охватывает мир,
Но этот мир уже не интересен,
Как цвет полотен лучших из картин
Когда всё небо тьмою занавесит.
Сейчас поток подхватит и меня.
Пока стою на этом пьедестале
И ясно понимаю, что вода
Мне в споре помогла, волна взлетает.

2014

Идут по городу курящие невесты,
В нарядах белых, с серым дымом на губах.
На нашей улице пустой им было тесно —
Они на площадь отправляются гулять.
И будет вальс, и будет музыка, и вместе
В красивом танце будут бешено кружить
Жених невидимый, курящая невеста,
И где-то между них нетронутая жизнь.
А жизнь не трогайте — она сама проснётся,
Она коснётся ваших милых каблучков —
Хоть серый дым и норовит коснуться солнца,
Но вальс несётся, вальс несётся меж ладов...
Идут по городу курящие невесты,
В нарядах белых, с серым дымом на губах.
На фоне улиц под взорвавшийся оркестр
Они красиво будут очень танцевать.
И серый дым врезаться будет прямо в небо,
И, островками огоньков окружены,
Взметнутся площади знамёнами победы!
Победы пар, победы брака и любви.

2014

Я вижу крылья — белые, большие,
Не самолёта, не из облаков.
Они свои движения транжируют
На низкий, неокупленный полёт.
В мозгу скребёт — схватить, примерить крылья...
За взмахом тонкий скрежет мнёт эфир —
Я многих повидал, что их носили,
И помню точки собственной руки,
Касавшиеся первый раз с боязнью
Приделанных зачем-то рукавов.
И вид разбитых тел, и неба ясность
В последний миг касания с горой.
Последний шаг, толчок, секунда дальше,
И в лотерее крутятся пути...

Я вижу крылья — вижу их, без фальши,
Без хитрости продуманной игры.
И крылья эти хочется примерить,
Как те и как любые вообще.
Танцуют различимо на деревьях
Кусочки света в бликовом дожде,
И крылья опускаются на землю —
Они взлетят, и кто-то в них взлетит,
Боднув ногой прошедшую деревню...
Они спустились — это дар от них.

Ну, что же руки тянутся?! Отставить
О пройденных отметках забывать!
Сильнее, чем земного небо манит,
Крылатый любит заново взлетать.

2014

Под завыванье холода,
Под рваный лай собак
Летел огромный колокол
Над городом в снегах.
Его швырнули весело,
Созвав глазеть народ.
И вот, звенящий резко, он
Снижал уже полёт.
И с каждым отражением
Звучания от стен
Застрявшее во времени
Рвалось увидеть свет:
Что ветром и что случаем
В глубины забрело,
До времени до лучшего
Плескалось тихо в нём,
Перетекая заживо
Со звуком по кругам —
Теперь частица каждая
По воздуху плыла.
Теперь творилось в воздухе
Смешение эпох,
Туман широких отзвуков,
Тьма замков, пыль дорог;
Метались лица, домики,
Деревни, голоса,
Почётные покойники
И выжившие зря;

Кружились вольно, вскрытые,
Собрания речей,
Надежды позабытые
Подбрасывали тень;
Века, года и месяцы,
Недели, ночи, дни,
Предатели и вестники,
Народы и цари,
Рябя в пространстве сорванном,
Менялись, не пылясь,
Во все втекающая стороны,
И в золото, и в грязь;
Обрушивались здания,
Восстания, бои,
Ронялись тайны знания
Дыханию толпы,
Пока в кудрявом облаке,
Кружа весь мир в себе,
Звенящий небом колокол
Нанёс удар земле...

Земля качнулась лллёгонько...

Звук брызнул в даль орбит!!!

Собаки сжались в холоде,
И колокол затих.

2015

Когда громадный день наметил карту ночи,
Я взял свою тетрадь, порвал её и сжёг.
Кончался новый век, размыв небрежный почерк,
Обрывок догорал, и было хорошо.

Я знаю, что взойдёт, конечно, солнце скоро.
Но будет темнота, покуда не взошло.
А дому лишь во вред рыхлящий стены холод,
И за ночь прогореть хоть что-нибудь должно.

Не мне, но дому вред — рыхлящий стены холод.
А город состоит, представьте, из домов!
А значит, без огня не может жить и город.
И за ночь прогореть хоть что-нибудь должно...

День вовсе отошёл. Обрывки света плыли,
Роняли теплоту и рвали темноту.
И отражалось всё в одном моём камине.
И отражалась ночь. И множила длину.

2015

Обошедший прозрачно-открытым взглядом полмира,
Не вспоминает ни точки из обойдённого.
Запечатлены, но перемешаны все картины,
И он шагает по родине, возвращаясь на родину
И сам себе её открывая, вроде бы.

Незарегистрированный сирота, заблудившийся в поле,
Пьёт последнюю воду чтобы в животе поселились рыбы.
Рыбу совсем не ест (хотя и стремится к морю),
Потому что рыбы либо мертвы, либо живы.
Неприступно каждое «либо».

Солнце светит как надо, до моря одиннадцать дней пути.
Он не ел неделю, но почему-то ужасно жарко.
На берегу эвакуация, переполнены корабли.
Прибрежный город пуст и богат доступностью — отчаливают завтра.
Или сегодня, с закатом.

В голове, по-шалльному песчаные, пробиваются заокеанские мелодии,
По пустым дорогам узнаются абсолютно любые страны.
Стены к приходу выцветут, но с краской спешить не стоит.
Это ведь теперь его город, вот он и построит сам его.
Только не так же. Заново.

...
...
...

Через месяц нога ступила на замусоренный асфальт.
Отгудели пароходы, и ни лодочки, даже в центре, в зелёном парке.
Он долго ходил по улицам, весь вечер читал дома...
А потом стал на краю берега и сгрёб город в охапку!
И так научился плавать.

Воды вышли из берегов и затопленный город, до этого бывший лишь треснутым,
Разрушился в каждом камушке и утёк в океан, не барахтаясь.
А затем преспокойно и он отступил с опустыненной местности.
И втроём они плыли по планете, закованной в радугу —
Люди, город, и кто-то, кто так и плывёт,
И как будто не падает.

2015

«А я — солдат. Я стреляю — и попадаю в голову.
И убиваю голову. И убиваю голову.
Когда-нибудь ведь приеду в какой-нибудь новый город
И честно пройду по миру, где никто никогда никому
Ни под каким предлогом не посмеет выстрелить в голову.
Только это неправда. Я лгу.»

~~~~~  
~~~~~

Вот он идёт по городу.
Новая, воеет родина.
Родина в рое огненном,
Кажется, сбила лёд.
Люди идут быстрее.
Людям стреляют в голову.
Он честно идёт по городу. Он вам говорил, что лжёт.

2015

Не прерывая беседы,
В пляшущих стенах сознания
Можно высматривать сметы
Входа в знакомые здания,
Можно вычерчивать лица
Инеем улиц воткнутых
Или забрасывать гипсом
Календари и минуты.
Не прерывая беседы,
Можно в листве затеряться,
Грезить обрывками неба,
Прыгнуть, растечься в пространстве,
Вырваться, плыть бугорками,
В новые жизни поверив,
Вычитать древние камни,
Вытоптать новые земли.
Можно приблизиться к Богу.
Можно подняться над веком.
Можно и вовсе — подохнуть,
Не прерывая беседы.

2015

Все дороги толкает волна меланхолий слепых
По чужим городам, объявляемым родиной главной
Без надежды и веры когда-то добраться до них,
А тем более — выиграть на посещение право.
Заградивший секунду, колёса пырнувший итог
Будет резким упрёком для скромных намёток на дали,
Выставших из высших значений мельчайших штрихов
Если станут штрихи уподоблены жёстко деталям.
Разрушение в ноль пустоты, поднимающей твердь —
Обнаружить реальность фигур, невозможность которых
Затмевала провал, а фигуры рождались от черт
Осязаемых контуров, что приносило позором
Аргументы о том, что частично возможны они.
А по центру пинка — нереальностей в мире единство
И негласный запрет по частицам выстраивать их,
Разрешая чертам расширение личной границы.

2015

Адвентура с адвенчей рубились на смятой горе,
Загорались деревни среди полубелого утра,
И лежащий прослушивал колокол дальний, как будто
Тот шептал ему что-то, кричал, ворковал и т. д.
Десять ножек дивана, листавших узоры ковров,
Остановкой внезапной боднули холодный затылок,
И неслышно земля племена по морям покатила,
Чтобы в новом цунами казалось возможным «зато».
Адвентура адвенче мечом разрубила плечо,
Та снесла ей два ногтя отросших, обкусанных грубо.
Адвентура в ответ страшным рёвом охрипше-беструбным
Погасила округи растёкшееся полотно.
Он лежал параллельно обрыдшим народу фронтам,
Составляя прямые углы с миллионами пушек,
Выпускавших его по железным песчинкам наружу,
И мгновенно его хоронивших беспamięтно там.
Адвентура с адвенчей исчезли в цепях пропастей,
Горы среднего уровня мирно ложились в просторы.
И никто не погиб, и никто не казался покорным,
И никто не смущал исхудавшие краски земель.
Поезда уходили, возили, а квантор сухой
И кричал и шептал о мирах, не замеченных вовсе.
Адвентура с адвенчей, закрывшись в уютном вопросе,
Оставались у битвы горячей на вечный простой.

2015

Пока ходьба разводит восходящие потоки
И рубищами глаз кроится воздух жестяной,
Я смею думать, что слова предъявлены настолько
Чтоб вынудить язык не уходить на водопой.

Ленивые созвездия скрываются и гаснут,
По лицам хлещут ветками гранёные леса.
Но суживать две реплики до ясности пространства,
Бесспорно, означает наплевать на голоса.

И раз уж расстояния в стихиях не защиты,
А тишина везде невозвращаемо вредна,
То если к ним привяжется мелодия ошибки,
Она взорвётся гимном и поднимется до дна!

2015

На пологом склоне растёт гора:
Вдалеке и вблизи — весь мир.
Не дотянется море её омыwać
И дорогам к ней не дойти.
Там по осени — дождик, весной — ростки,
Лето в зное, зима в снегах.
Если я не увижу этой горы,
Значит, мир проживёт и так.

Ударяется маятник о века,
Проезжает велосипед.
Есть примеры смерти, добра и зла,
А примеров примеров нет.
Солнце лепит хозяйски свои скачки
Неизменно в любых местах.
Если я не увижу этой горы,
Значит, мир проживёт и так.

У палатки в пустыне оставь тавро
И не прячься от глаз крупье.
На слова «Если ты проиграешь, то...»
Невозможно найти ответ.
Но хрипит, задирая в цвета земли
Предпредпредпредпоследний шаг,
«Если я не увижу этой горы —
Значит, мир проживёт и так».

2015

Мой город, другие тебя знают лучше,
А я не успел породниться с тобой.
Такой вышел случай,
Я мелкий попутчик —
Уеду, не выжав ни душу, ни кровь.

Метания всякие, в общем, почётны —
Внутри и в округе, в сердцах, в головах.
Динамика частности выделит чётко
При взгляде сквозь разные точки-решётки
Всё общее, бывшее раньше и так.

Явление истин — избыточность действий?
Явление жизни — победа веков?
Реальность глупа и, не веруя в «если»,
Упрямо глазам выдаёт повсеместно
Всё то, что содеяно, и только то.

По праву бросаться, кончаться и гибнуть,
Меня и краски, и форму, и мир,
Мы будем листать за картиной картину,
Из линий, скривившихся непобедимо,
Черная презренье к свободе идти.

Любовь к доказательству — высшая точка:
От пары доверий до мира дойти,
Теорий тома сформулировав точно
(При этом чем меньше количество строчек
При верности той же, тем краше они).

Всё это — природа, лифты и проходы,
В которых приятно себя ощущать.
Но гордость и большую выдумал кто-то,
Путей не ища, не вмещаая природы,
Всё то же на опыте лишь доказать.

Движением только. А как же иначе?
Глупы аксиомы на данных мирах.
А действия явно верны, и задачи
Не ставят реальности литься иначе,
Чтоб быть комбинацией нескольких врак...

Пусть к истине льнёт самоследственность действий,
И всё же, чтоб выжить, в отдельности пусть,
Давай не стоять на презрении к «если».
Модели незнания так маловесны.
Не ври себя, город. И если, то будь.

2015

Рыба, урождённая и выращенная морем,
Хочет увидеть землю, хочет выйти на сушу.
Море ей шепчет: «Что ты!». Море ей шепчет: «Что ты!»
Рыба, куда ты прѣшься! Суша тебя задушит.

Будешь без толку ёрзать, будешь ворочать жабры
И плавниками биться в твёрдое и немое.
Так там и задохнёшься, не проползѣшь ни шагу.
Рыба, куда ты прѣшься!» — волнами шепчет море.

Волны, от гор отхлынув, крутят, назад бросают,
Рыба скрипит, ломаясь, и искривляет жабры.
Гладь чешуи грубеет, в плотный покров срастаясь
Из-под плавучей массы режутся резко лапы...

Волны метают рыбу, рыба кричит «Не трогай!»,
С явной опаской тело новое ощущая.
И напрягает силы, и проклиная волны,
И, наконец, на сушу волны её бросают.

Рыба идѣт на сушу, рыба идѣт на берег.
Рыба гуляет вольно, воздухом выживает.
И, повернувшись гордо, твёрдо освоив землю,
Видя просторы моря, перебирает память:

«Что ты шептало, море?! Ты ничего не знаешь!
Видишь, иду по суше! Видишь, свободно вышла!»
Море пускает волны и омывает лапы.
И отплывает снова, что-то шепча всё тише.

2016

«Когда машешь крыльями, главное — безостановочность.» —
Так думают те, у кого крыльев не было сроду,
Кто падал, впусую в пространстве муляжным пером треща,
Ругая картины за разницу красок с погодой.
Другие толкуют, что главное — путь и спокойствие,
Наличие крыльев в костях, а не ниток в конструкции.
Кому-то важней ощущение близости полюса,
Экватора, неба, а собственных лап — недоступности.
А есть и безумцы с косыми как свет фюзеляжами,
Которые думают, грезя прогулками по небу:
«Когда машешь крыльями, главное — быть рядом с машущим,
Который подхватит как только споткнёшься о что-нибудь.»
Но я, прорастающий вскользь между этими мыслями,
Лишь я, изучающий ветер под этими стаями,
Я знаю: когда машешь крыльями, главное — физика.
И помню, что крыльемахание — это не главное.

2016

За последним прорывом ко дну,
Там, где воздуха еле хватает,
Я на всплытие резко пойду,
Но повсюду одна чернота.
Хоть просвет, хоть с какой стороны...
Моноotonно, без пятен и края.
Выбирать направленье и плыть,
Так любой из гребков — вникуда.

Если ты уже вовсе ослеп,
То доверься бесчувственным силам.
Для того и плывём в темноту,
Тяжело пробиваясь на дно,
Чтобы там, где низины миров
С неба берегом перекосило,
Нас бы вытолкнуло бы без нас,
Нас бы вытолкнуло всё равно.

2016

По чёрно-белым фильмам старым
Известны ужасы войны,
И люди, различая залпы,
Готовы к смерти быть должны.
Но неожиданно, однако,
Средь прочих бедностей немых,
Что, как музеи и парады,
Война в цветной приходит мир.

Настроив душу на лишенья,
Надежды выветрив сполна,
Не предсказать, что день весенний
И не надумал отступить,
И ждут не просто голод, смерти,
Снаряды, ссоры, страх и боль,
А рядом с ними — в ярком свете
И прежней силе дом родной.

И тротуары, переулки,
Знакомых зданий этажи
Не потускнеют. Ни секунды
Не оградит от мира жизнь.
Не щёлкнет звонко выключатель:
«Разруха. Бедственный режим.»,
А в том же цвете будет скатерть
Давать какой-то повод жить.

И вот летят снаряды метко
В слои раскрашенных миров,
И неизменны птицы, ветка,
Забор, скамейка, колесо.
Летят снаряды и взрывают
Моих соседей и меня,
Такси, автобусы, трамваи,
Цветные улицы. В дома
Огонь врывается, но стёкла
Летят, себя не изменив.

Мне предстаёт ужасно твёрдым,
В войне и цвете смешан, мир,
Где молодая королева,
Шагая в мыслях о мечте,
Лежит, отброшена обстрелом,
Через секунду на земле,
А листья цвет не изменяют!!!
И все движения верны.

Кругом — одно большое знамя
Презренья к глупостям войны,
И это знамя беспощадно,
К живым и мёртвым, до конца.

А череда ракетных залпов
Имеет яркие цвета.

2016

Изящная дама, накинув вуаль, лежит на камнях камуфляжных.
Торопится гайкой запутаться в синь избитый светящийся диск,
И ветхой пылью подлетает песок, в пустыне согревшийся насмерть —
Клубясь без надежды составить пейзаж, бесшумно мотает круги.
Ветра собирают трамплины под ней, толкая легко и надёжно,
Взлетает с восторженным танцем она, слепя небывалым лучом.
Лучи пролетают до мягких небес, пыля новоявленный розжиг,
В следах разливает пустую росу её молотящий полёт.
Пески раздуваются, камни дымят, гроза в небесах разыгралась,
За сотни миров шевельнулись леса и зелень в обрывках летит,
Рассвет поднимается выше, слепя в разгоне кружащийся танец,
Глаза остаются зашиты в вуаль, глотая взбесившийся ритм...
И всё обрывается.

руки
нога
удар
голова

И пустыня колюче сдувает раздувшийся пыл, соря неживой простынёй.
А плотное тело лежит полотном, не тлея в пустой паутине.
Бездвижно скользя по оббитым мирам, своё заслоня собой,
Изящная дама, накинув вуаль, лежит на камнях камуфляжных,
И дышит, глотая тугие ветра, глаза во всю мочь распоров.
А день, успокоившись, тени кладёт и волнами холода машет,
И к тонким глазам пробивается свет сквозь тощий вуальный покров.
А пятна стекают с зелёных камней, её за собой забирая.
Что лужей не стало, летит в небеса противно-вонючим дымком.
Пластичными нитями лезет лицо под почвы глушащую память,
И рядом в лучах высыхает дотла заброшенный ветром цветок.

2016

Как жаль, что я не узнаю, какого цвета
Ступень у вагона, который идёт туда,
Где что-то сменяется чем-то, не вечно светлым,
Но точно живым и точно поздней утра.
Моя бы нога ступила бы на железку,
Ступила б с неё, спустя ореол часов,
Где всё ненадолго становится резвым, резким
(Хотя и привычным для тех, кто там жил и цвёл),
Ступила б на «бы» на «б», на немые буквы,
Которым так надо выплёскиваться в слова,
Без слова звучащих когда-то безлично кругло,
Когда-то задорно, но точно не как вода.
Вода прибывает к берегу постепенно,
Вода постепенно берег бросает в звук.
В окне колыхаются сморщенные деревья —
Не вижу воды, а вижу, как столик сух.
Вернее, не вижу, а видел бы. Это важно.
И даже коль выстрою поезд, найду пути,
Повыловлю солнца, он будет не так покрашен.
И я не узнаю, никак не узнаю «и».

2016

По маршрутам экскурсий скитаются толпы людей
И любуются роскошью чьей-то оконченной жизни...
У любого дворца в нужный миг открывается дверь
Для потока людей, ничего для него не свершивших.

И за плату ничтожную можно и внутрь войти,
И подумать, на мебель и стены красивые глядя,
Что оно-то, конечно, прекрасно, но мир на пути
Небывалых прогрессов такое уже не забавит,
Что, хотя здесь когда-то и шумно гремели балы,
Нынче вся красота стала сильно нуждаться в ремонте.
Да и, в общем, весьма лицемерны любые дворцы,
И ни разу ещё проиграть не давали природе.

А поклонники дикой природы уходят в леса,
В городах презирая любые ожившие точки.
И стоит неподвижен их тихий затерянный стан —
Так же мёртв, как дворцы, только более сосредоточен.
Их манит безмятежность листвы под напевами птиц,
Перепутанность редких тропинок и вечное небо...
Но потом и они умирают бесследно одни,
И всё так же течёт, будто рядом никто из них не был.

Я не житель лесов, я не дикий потерянный зверь,
Но дворцы, как и город, противны своим окончаньем.
Я в старинных садах с осторожностью трогаю дверь,
Предпочтя всё же листья отбитому ровному камню.
Возвращаясь домой, не везу я с собой календарь
Или милый магнит с фотографией важных строений —
По пути во дворец положу себе шишку в карман
И коры отколю от усталых придворных деревьев.

2016

Через десять лет я напишу стишочек —
Так, пустяк какой-то — зло, любовь, вина,
Планы, мифы, дело. Много-много строчек,
Линий, троеточий, а глава одна.
Он не выйдет в люди, не излечит души,
Лучших не испортит, худших не спасёт,
Не отдаст мошек, не поднимет мушек,
Не воздаст ненужным память и почёт.
Ни листок, ни тряпка, ни тропа, ни порты
Не услышат звуков этого стишка.
Он пройдёт бесследно, не согреет что-то,
Что неплодородно, что не отыскать.
Пролистнётся вечер без черты и места,
Времени упрёком дом прорежет жизнь.
Только этим слабым, криво-рыхлым текстом
Я согрею столик, пол и этажи,
Этажи согреют этажи пониже,
Этажи пониже — дворик и подвал.
И засветит солнце, словно кто-то выжил.
Как сегодня брызжет. Да как и всегда.

2016

На музыку Алексея Рыбникова «Лестница в небо»

Стекает время в неслучайный коридор
Из блёсток вышитых мечтаний о мгновеньях.
А из-под рук уходит жизнь,
А из-под рук уходит жизнь
Как лёд под снег.

И всё-то кажется, что мир летит вокруг,
Что закрома полны и золотом и болью.
А снег скользит из тьмы во тьму,
А снег скользит из тьмы во тьму,
И всё за ним.

А тьма уходит в свет.
А свет колышет воздух.
А воздух жжёт сады
Последними глазами...

Кто был, кто не был, не напишут — не соврут.
Пути срываются с зеркал на отголоски.
И чья-то поздняя рука,
И чья-то поздняя рука
Пуста как сон.

А мир летит вокруг,
А мир толчётся в мире.
И свет, и тьма, и жизнь
Летят вокруг за снегом...

То сцеп, то скорость, то к себе, то от себя.
То взрыв мгновенный, то несчётно поколений.
А жизнь уходит навсегда
За свет, за тьму, за навсегда,
Как мы за жизнь.

2016

Не надо бить лежащего ногами
И выгонять поющего за дверь.
Туман туманом, но плывёшь в тумане —
Так хоть плыви, хоть компас не бередь,
Хоть не благословляй течение против,
Раз дерево на лодку изрубал.
Лежачий всё равно всегда в полёте,
А всяк поющий всё равно не прав.

Причиной тот лишь, кто причину ищет,
Всему, в чём о причине говорит.
Пейзажи, формы, нравы и приличья —
Всё в сгустке, всё во тьме, всё впереди.
Струится мир, клочком порядка ранен,
Не сосчитать ни смыслов, ни идей...
Зачем же бить лежащего ногами
И выгонять поющего за дверь?

Помилуй, не о том — об этом снова.
Но с этим — то же то, ещё ясней.
Есть три координаты у любого,
И третью поглотит вчерашний день.
Так что твоё участие прибавит
Помимо бытия и смены квот?
Лежачий всё равно уже не встанет.
Поющий всё равно ещё поёт.

2017

Всё так, как только может быть.
А этим мир и дышится,
Поскольку мир — убогий факт,
Вконкретченный как бог.
Всё, от вулканов до любви,
Не соткано, не выжато,
А явно задано впотьмах
И в отсвете дано.

Всё так, как только может быть,
И древний пол не рушится.
Глаза идут за головой,
А шея — ветру в тень.
Всё, от вулканов до любви,
Не включено, не сужено,
А занято самим собой,
Окрестностей полней.

Всё так, как только может быть.
Копнёшь — нароешь золота.
Подпрыгнешь к потолку — умрёшь,
А к небу — улетишь.
Всё, от вулканов до любви,
Не взнесено, не сковано,
А просто объединено
Во что-то в слове «жизнь».

2017

Когда начинаешься ты, это значит, что ты уже есть,
и что ты непременно закончишься.
А это уже говорит, что ты — что-то иное, чем то,
что бессмертно в своей мелкоте,
Чем то, что в составе различных конструкций влачится
какое-то время лишь частью от общности
И знаком их смерти уходит в другие, не будучи сложным
и важным само по себе.

Когда начинаешься ты, это значит, что ты уже есть,
но что ты неделим и не ведаем.
Что не перестроить, что не разобраться, как так получилось,
а только вести параллель.
И значит, ты — суть то же самое, что одинокий фотон,
залетающий в глаз на безветрии.
Ты столь же ведом, столь же полон энергии, столь же прозрачен
и столь же не равен себе.

Когда начинаешься ты — это как океану мелькнуть
в водопаде секунду и схлопнуться,
Как целому городу разом упасть на случайную улицу мира
и тут же сгореть.
Когда начинаешься ты, это значит, что мало что ты,
но хоть что-то хоть где-то закончится.
Так время, шутя, подражает пространству — и формой границ,
и наличием разных частей.

2017

«Я недавно увидел — не будет войны.
Я недавно увидел, как именно.
В парке села семья голубей покормить,
Птицы сразу гурьбой обступили их,
Замостили собою пространство вокруг,
Всю дорогу закрыв пешеходную.
Вижу, рядом семья — папа с дочкой — идут,
И у них на пути эти голуби.
Им-то надо пройти, их-то право — гулять
Мимо детской площадки, ничейной же.
Только девочка остановилась и «Пап,
Обойдём!» — говорит, и пошла себе
По широкому кругу дорожки второй,
Неудобному, неоптимальному.
А отец постоял, да и следом пошёл.
Хоть кричал, хоть ворчал, а шагала за ней.
И, семью обойдя, прошагала семья,
И никем не встревожены голуби.»
«А война тут при чём?»
«Ни при чём тут война.
Ни при чём тут она. Ни при чём она.»

2017

Войны начинаются с приказов,
Чётких и тупых — начать войну.
Не с закономерностей, не с массы
(Что такое масса без заказа?),
А с бумаг, печатанных и ясных,
С рукописной подписью внизу.

Битвы начинаются с походов,
С медленных колонн грузовиков,
Где скучают, травят анекдоты,
Чистят ствол и смотрят на погоду
Тысячи зелёных земноводных,
Верящих в инаковость врагов.

Выстрел начинается с прицела,
С выдержки на выдох и на вдох,
С мерного скольжения по телу
Красной точки или чёрной сетки,
С импульса, скользящего по нерву
Пальца, обогнувшего курок.

Плачи начинаются со смерти.
Плач по жизни — лишь волна в волне.
Дышат над могилами деревья,
Сноп лучей смещается по небу,
Словно проверяя атмосферу
И не находя проблемы в ней.

2017

Ты — лёгкая и несущая, и куртка твоя — оранжевая,
Соседствующая с солнцем хотя и вразрез, но сдержанно.
На фоне домов и башен путешествуешь вдоль неважностей,
Отвесно-неоднородно в ветрах и в самой себе живя.
А я — полевые сумерки, седой океан, навыворот
Колблющийся баластом на затворных задворках вечности.
Я так бесконечен! Мне бы податься бы в перспективу бы!
Но держит не то чтоб что-нибудь, а просто нехватка трещинок.
Ты дышишь. Идёшь. Покоишься. Придумываешь мелодии.
Приписываешь случайному прохожему смысл и грацию.
А я только бьюсь вдоль берега, плююсь лоскутами кроткими,
И гну колоски незрелые, рассеивая в пространстве их.
И всё-таки обойди меня. Иди и не делай глупостей.
Не тщишь прикасаться к рокоту, спокойствию, равноденствию.
На тысячу жизней хватит дорог тебе и попутчиков.
Ну, мимо, давай, уматывай! Прикинься, что не заметила.
Но нет, тебе нужно просто так сказать «просто так» и вмазаться
В могилу природной ясности, в бездумную всеохватченность,
Где время играет временем, где смерть происходит заживо,
Где каждый богат, но нечего спонсировать и оплачивать
Где ты растворишься атомом, законов не изменяющим.
А всё от пустого космоса — сочтётся, бывалый, знающе,
И запахом тянет к поиску. Да кто ж на него позарится!
Да кто ж до него додумается... Вот все вникуда и маются,
И бодро летят в обочину, под камнем во тьме пожар ища.

2017

Я видел иву, у которой
Спиралью прутья заплетались
И половина листьев взбухла,
А половина поиссохла.
Она была жалка и тоща,
Но выделялась в общем ряде,
Чем привлекла моё вниманье
И руку отпугнула мне.
Я видел точки на листочках
И солнце в них не отражалось,
Как отражается в здоровых,
Фрактально-писанных листах.
Всё это было возле речки,
Где плыли чистые кувшинки
Под летним небом в плотных тучах,
Но светло-белых, без дождей.
И я тогда ещё подумал
О чём-то очень-очень важном.
И развернулся, и помчался
Клубиться, делать, грохотать.

2017

Твердят они мне: «А представь себе, если
Чего-нибудь прямо такое, что вообще,
Что после — ни роста, ни хоста, ни «просто»,
И скользко, и поздно — ни вести, ни лести.»
А я говорю: «Да ну что ж это «если»?
Когда мне так «вовсе» — я сразу всего лишь.
Как вскрыешь под «ой, вишь» не «тонешь», а «то бишь»,
Так тронешь — и здесь ты. И счесть всё, хоть смесь там.»
А мне говорят: «Ах, ты знаешь, что «если»!
И весь уже в «после», и хочешь под провись.
Так ты не такой весь, а просто тупой врезвь!
Гребёшь хоть бы «если», чтоб только не «вместо»!»
Я тут же в ответ: «Нет нет нет, я не в «если».
Я — если не «если», то, собственно, то вот.»
«— Ах, если не «если»!
Тебе всё без «если»!
Нетрезвый! Как вне всех!
Не «если»... Не «вовсе»...
Вот сбудется «если» — тогда затрезвонишь!»

2017

Всё, что я могу — это пару строчек. Всё, чего хочу — это пару дней.
Это мало очень _____ и много очень
_____ (это каждый хочет,
_____ и всем нужней)

Всё, что я беру — бесконечный праздник.
Всё, что я даю — одиночный вздох.
Это очень важно _____ и очень грязно
_____ (бесполезно, ветренно,
_____ ни про что)

Всё, что я нашёл — это мир огромный.
Всё, что я ношу — это мелкий мир.
Это очень много _____ и очень много
_____ (это всем помногу,
_____ и мне один)

2017

Иванов стоит без дела на сцене. Входит Петров.

Петров: Трамвая ждёте?

Иванов: Да вот жду.

Петров: А, ну, хорошо...

(пауза)

Петров: А не рухнет?

Иванов (пожимая плечами): Вчера не рухнул

Петров: А я слышал неделю назад какой-то завис. Где-то посередине маршрута, на Пушкинской улице.

Иванов: Ну, завис — это же, знаете, не рухнул. Завис — это не рухнул.

Петров (опечаленно): Да да... Завис — не рухнул. (словно без цели, но на деле, конечно, Иванову) В полной темноте завис. Вот стал и прям выпал, кругом темнота.

Иванов (перебивая): То есть как это выпал? Он выпал или завис?

Петров: Стал и завис... и вокруг темнота. Пассажиры оглядываются — везде темнота. И ещё, знаете, стёкла сразу так немного трещину дали...

Иванов (перебивая): Да вы подождите про стёкла! Вы же не про стёкла мне рассказываете. Я — не физик, не теоретик. Вот суть скажите — он выпал или завис?

Петров: Не знаю... Пассажиры вниз посмотрели — там темно полностью... то есть абсолютно. Он же не мог из полного нормального мира в темноту зависнуть... просто зависнуть...

Иванов (слегка посмеиваясь): Так он же завис. Конечно, мир же катится, земля вертится. А если трамвай с миром не катится, то бог его знает, в какую темноту он там зависнет сам.

Петров (тяжело вздыхает, не желая спорить; про себя): Да... Нельзя зависать. А то получится, что не падаешь, а мир летит... Уж лучше выпасть. (небольшая пауза; опять же про себя, риторически) А куда он летит...

Иванов: А полёт-то был у этого трамвая? Если бы он выпал, он бы ведь падал, это чувствоваться должно бы было бы.

Петров (секунду подумав): Нет... трамвай не летал... Летели пассажиры, по-моему... Я так точно не знаю истории, я по рассказам только слышал. Вроде, несколько пассажиров вышли посмотреть, что там, может щели какие-то остались — а они и выпали и полетели. Уносить их стало прямо вдаль от трамвая.

Иванов: Вдаль — то есть не вниз?

Петров: Да я не знаю точно. Там же земли нет, направлений нет...

Иванов: Трамвай-то стоял. Низ-верх был значит.

Петров (неуверенно): По-моему, в сторону уносило...

Иванов: Во. Не рухнули, то есть. Улетели.

Петров (неуверенно): Да там, знаете, и сам трамвай потом так закружило...

Иванов (резко): Постойте, а это кто ж вам сказал?

Петров (непонятливо): Ну, знакомые мои.

Иванов: Это какие такие знакомые? Одних закружило, другие улетели... Это кто такое вам сказал вообще?

Петров: Их-то закружило, но потом очнулись, конечно.

Иванов: Где?

Петров: Кто где. По городу разметало.

Иванов: Прямо вот очнулись и солнце видели? И прохожих?

Петров: А что тут такого?

Иванов: Так значит снилось им всё!

Петров: Да их же кружило.

Иванов: Ну, во сне и кружило — всех вместе. А те улетевшие вернулись?

Петров: Они вообще близко к дому очутились, через пять минут уже с жёнами болтали.

Иванов (отмахивающейся интонацией): Понятно, всё понятно, всё понятно.

Петров (просто от скуки молчания): Но он реально как будто рухнул в темноту, этот трамвай. Потому что мир как-то совсем бешенно пропал неожиданно, резко так.

Иванов (строго и непоколебимо): Нет, извините, это мир рухнул, а не ваш трамвай. Если трамвай завис, то не попевал, значит, ну, и... я не знаю, чего там. Если никто не летал — значит, не рухнул. Рухнул бы — был бы полёт, мы бы знали, мы бы встретили по приземлению. И нечего тут вот это — рухнет, не рухнет. Рухнет — так хоть полетаем. Вы же не летали никогда небось, стоите вон трамвая ждёте.

Петров: Да ведь и вы ждёте.

Иванов: И я жду, и я знаю, что если рухнет, так рухнет, но хоть полетаем. И в конце концов, если бояться, что рухнет, так можно сразу идти на самолёте лететь, чтоб не утешаться, а сразу лететь. А вот если самолёт рухнет — вы представляете?

Петров (действительно соглашаясь): Да... представляю... (стоят секунд десять молча, ждут трамвая)

(бегут пять человек, пробегают мимо них с криками)

Люди: Скорее! Скорее уходите! Быстрее!

(убегают)

(прибегает один отстающий человек)

Отстающий: Фух... наконец-то... Спасибо, что подождали.
Давайте давайте, бежим дальше.

Петров (в замешательстве): Да что случилось вообще?

Иванов (вполне спокойно): Ну объясните же нам.

Отстающий: Так вы... (интонационно машет рукой) ааа...
(убегает)

(Бежит огромная толпа где-то за сценой)

Толпа за сценой:

— Скорее! Скорее! Трамвай же сейчас не придёт!

— Вообще сюда ничего не придёт! Ничего не уедет!

— Бегите скорее, а то он же сейчас сюда не придёт!

— Вот прямо сейчас сюда не придёт ничего и будет вообще пусто!

— Бегите, бегите же скорее!

Петров (снимает с руки наручные часы; Иванову): Нет, слушайте, если он сейчас прямо вот так возьмёт да и сюда не придёт... то это будет совсем для меня как-то... трагически... да и для вас тоже.

(быстро бросает часы на землю, топчет их ногой)

Иванов (отходит от рельс): Да, правда, как-то совсем не хорошо будет. То есть как это... трамвай не придёт...

По сцене пробегает толпа всё с теми же криками. Пока толпа пробегает мимо, Иванов и Петров к ней присоединяются. Когда толпа убегает, на сцене пусто.

Раздавленных Петровым часов тоже нет.

2017

Я шёл, гулял, и сам себя корил же
За то, что так бесформенно гулял,
Корил за то, что новый стих не вышел
Ни темой, ни созвучием октав,
И в принципе корил себя глобально
За то, что бесполезный этот бред
Я почитаю как бы неслучайным
И столько трачу времени и средств
В чаду прогресса, в двадцать первом веке,
В года бозонов, CRISPR, Hyperloop,
Чтоб что-то пошептать про звёзды, ветер,
Орнамент года, синтаксис минут...
И в памяти всё плавали агитки
Геройски-трудовых усердных лиц,
А рядом — биографии великих,
Отдавших миру всех себя самих.
И тот стишок шестидесятилетний:
«Не позволяй душе, не позволяй...».
Я позволял — писал про звёзды, ветер.
Ходил и неразумно писал.
Я проходил мосты, дома и парки,
И вот в одном из сереньких дворов
Из окон я услышал голос шаткий —
Как плачущий, но яростный зато.
Там кто-то говорил не то ли с дочкой,

Не то с женой, не то не ясно с кем.
По телефону. Громко. Грубо очень.
Так говорил: «ВСЁ, СУКА, БЛЯТЬ! ПИЗДЕЦ!
ЧТОБ ЧЕРЕЗ ЧАС БЫЛА ТЫ, НАХУЙ, ДОМА!
ЧТОБЫ БЫЛА, БЛЯТЬ, Я ТЕБЕ СКАЗАЛ!
ЗАТКНИСЬ! ЗАКРОЙСЯ, ГНИДА, И ЗАПОМНИ:
НЕ БУДЕШЬ, БЛЯТЬ — Я, БЛЯТЬ, УБЬЮ ТЕБЯ!».
Мне захотелось постоять, послушать —
Такое, как-никак, не каждый день.
Не знаю, что ему сказали тут же,
Но он мгновенно выпалил в ответ:
«Я, СУКА, ВСЁ ТУТ НАХУЙ РАЗЪЕБОШУ,
БЛЯТЬ, ЕСЛИ ГДЕ-ТО БУДЕШЬ ТАМ ХОДИТЬ!».
Я, честно, думал, это будет ложью —
Не будет же квартиру он громить.
А дальше слышу звон стекла — массивный,
Серьёзный и конкретный звон стекла.
За ним ещё один. «ВСЕ ВЕЩИ, ГНИДА!
ВСЁ НАХУЙ РАЗЪЕБОШУ! ПОНЯЛА?!».
А я внимал, жалел и ненавидел.
Был слышен треск и звон, и снова треск:
«НЕ СМЕЙ, БЛЯТЬ, СУКА, ГДЕ-ТО,
БЛЯТЬ, ХОДИТЬ ТАМ!
Я НАХУЙ УЕБУ ТЕБЯ! ПИЗДЕЦ!».
Не спец я по стеклу и древесине,

Но, если уж по звуку рассудить,
Громилось без разбору всё навывлет.
Я думал, может и окно разбить,
И мне осколком засадить куда-то.
А то и стену вынести бы мог.
И параллельно: «ПОХУЙ, СУКА! НАХУЙ!
ЧТОБ, БЛЯТЬ, ...» — и снова треск, и снова звон.
Он так кричал «Приди!». Ебошить мебель —
Его язык. Он так кричал «Приди!».
К нему не шли. И он ебошил мебель,
И прочих языков не находил
В чаду прогресса, в двадцать первом веке
В года бозонов, CRISPR, Hyperloop
Он так кричал «Приди!» — ебоша мебель,
Ебоша нахуй всё, что есть вокруг.
И я ушёл из дворика пустого,
Уже целенаправленно домой,
Бурча под нос попавшееся слово,
Ища к нему рифмовки заводной.
А из-за окон сквозь посуды грохот
Всё доносилось: «НАХУЙ, СУКА, БЛЯТЬ!».
И я подумал, что не так уж плохо
По улицам ходить, стихи писать.

2017

Всё надрывнее возвращаться что в театры миротранслирующие,
Сотрясающие вены истоптанные на ломающих пули висках,
Что в охваченную успокоенным светом закомнатченную перспективу,
Ручеёк разливов забывчивости и чайно-чаянных самоврак.

А молодая талантливая поэтесса со сцены рассказывает о простодушии,
О мостах вечерних, где с кем-то стояла, где кто-то ей руку жал.
На хрена ты мне это рассказываешь — мне, изреченному и существующему?
Лезешь в уши ушлым шумом заблудшим, гнущим глаза.

Грусть и печаль нипочём не тянут ни в грязи валяться, ни у железной дороги,
Хотя на замену плеча или голоса не находится и не ищется.
Воздавая надежды попеременно на далёкие рейсы и времена года,
Остаюсь всесторонне вскормленным, сдёрнутым,
отрывным и растерянно-взвинченным.

А молодая талантливая поэтесса со сцены рассказывает о страсти бешеной,
О кроватях глубоких, где всё полыхало, где в точку пунктир стекал.
На хрена ты мне это рассказываешь — мне, большому и звёздно-снежному?
Душишь глушью, тужа отжиг живучий тучей в века.

И панические идеи — путешествовать безалаберно,
Упаковываться в работу, закрываться стеной идей —
Исторгаются из полного понимания мира, и об него ломаются,
Об отчаянье отчаиваться. «Целый мир» оглушённо цел.

А молодая, талантливая поэтесса со сцены рассказывает о гармонии,
О домах застеклённых, где пахло привалом, где ровно камин трещал.
На хрена ты мне это рассказываешь — мне, непротиворечивому
и неполному?
Тычешь в душу как в тарелку с протухшей тушью, стекшей с лица.

Теряю не нити образов, но
Полотна хлёсткие улиц многообразных.
И когда допишу это полуписьмо,
Опущу его в список таких же, не в счёт,
И схвачусь за живот, потому что болит живот,
А на улице не стоят ни скорая, ни эшафот,
А стоит золотой пятипалубный бронированный теплоход.
На суше.
Под снегом.
Грязный.

2018

От презрения к проигравшим до презрения к ошибкам —
Две-три вычурных победы, и, желательно, слепых —
Неожиданных, нелепых, непреклонно-неприкрытых,
Чтобы не было возможно обособиться от них.

От презрения к ошибкам до презрения к свободе —
Статистический анализ и возможность выбирать,
Пара метких замечаний, что негоже так уж вроде,
Что пора признаться честно, и давно уже пора.

От презрения к свободе до презрения к искусству —
Час внимания к искусству, изучения его,
Понимания, к чему всё в нём и в принципе к чему всё,
Перебор реакций, выбор, выдох, как теперь легко.

От презрения к искусству до презрения к науке —
Аккуратные вопросы, для чего эксперимент,
Что он даст в конечном счёте (и когда) «обычным людям»,
И на это — непонятный многобуквенный ответ.

От презрения к науке до презрения к прогрессу —
Обвинение троллейбусов в разрозненности душ,
Обвинение зонта в том, что дожди не дарят хлеба
И любых, кто что осмыслит, в том, о чём те речь ведут.

От презрения к прогрессу до презренья к человеку —
Невесомые надежды, грязный быт и «С нами бог!»,
Много-много-много криков, много-много-много смеха,
И слова без означенья, и значения без слов.

Так что если как-то утром вдруг захочется проснуться,
Если путь на ломкой карте вдруг покажется кривым —
Это, знай, метёт и вертит основная из презумпций,
Всё подталкивая к небу, всё пуская вглубь Земли
От стремленья к человеку до стремления к прогрессу,
От стремления к прогрессу до стремления к науке,
От стремления к науке до стремления к искусству,
От стремления к искусству до стремления к свободе,
От стремления к свободе до стремления к ошибкам,
От стремления к ошибкам прямо к праву проиграть.

2018

Люди топчут планету, и все — бездельники.
Любят только светить и тянуться к свету.
Собираются вместе по всей планете,
На любом расстоянии друг от друга,
Собираются просто светить друг другу.
Только этим и занимаются,
Каждый день опять просыпаются
Только за этим.

Каждый светит по-разному: кто-то — огнём,
Кто-то — молча, кто-то — насквозь.
Заплетаются петлями в днях и дорогах,
Забываются, путают свет и тьму,
Даже пробуют тьмой светить (просто не получается).
Возвращаются к свету, собираются вместе
На любом расстоянии друг от друга
Миллиардом разрозненных точек
И светят друг другу.
Только этим и занимаются.

Иногда умирают, оставляют пустоту,
И светлячки, на пустоту набросившись,
Заполняют её, вдогонку карабкаясь
За последним в неё ушедшим.
И похожи на свет от ушедшего колебания
Пришлых светлячков в оставленной им пустоте.
Даже уходя, безвольно светят вовне.
Только этим и занимаются.

2018

Утро вечера мудренее.
Правда, вечер утра длиннее —
Тщательнее, полнее, злее,
Полноценнее, как-никак,
Необузданнее и выше:
Хоть и не говорит, но слышит,
Понимает и рубит крышу,
Позволяя ещё сказать.

В нестигаемом многословье
Вечер тянет умы за кровью,
Звонко топчет беду любовью
И возносит мечту в прыжок.
Разжигает остатки пепла,
И планету за море треплет:
Мол, проснись и давай мне лето,
И давай закрывай окно.

Вечер и без окна — как вечер.
Вечер — грубый, а грубым легче
В гул тумана противоречий
Продираться, кроша его.
И ты можешь ему не верить —
Он и так в тебе всё обмерит.
А вот утро вот — мудренее.
Так что спи, засыпай, дружок.

2018

Закрывай глаза, открывайся солнцу.
Забывай цвета, различай цветы.
Не изгибом вен тонкий пульс обтёсан.
Мир на память свёрстан из пустоты.
Жахнет жим жары от бровей до праха
Бегемотом солнечным вглубь лесов.
Мириады вертятся где-то рядом,
Обливают взглядом, плюют лицом.
Только хрустнет небо, шерхнёт валежник,
Облегчённо вздрогнешь, влетишь, падёшь —
Безмятежно вешний, во шве замешан,
Просочится вечер, и всё. И всё ж,
Самолёту — блик, кораблю — попутье,
Ореол — дыханию, век — любви —
То ли быть под былью, а то ли булькнуть,
То ли белой мутью, а то ли в пыль.

2018

А всё-таки было великое счастье моё
Великим и счастьем. А всё остальное — детали:
Слегка не под теми углами дождевики упали,
Чуть ярче, чем надо, рассвет прорывался в окно.
Метель иногда просто так, не по делу, была,
Но что, ей, метели, меня обходить надо, что ли?
Она ведь гуляет, а не дирижирует в хоре.
Ей всякое дело — не дело, и я ей — не я.

Бывало и так, но бывало — проснёшься, зевнёшь...
И снова проснёшься — взъерошен, испуган, отважен —
И ловишь падение мысли, дыхание часа,
И ловишь, и плещешь, и пьёшь, и со смехом плетёшь.
А рядом стремятся, бушуют, бунтуют года,
Разумный металл перевозит хлеба и деревья.
А ты — на ладони, ты — где-то над ними, над всеми.
А всё-таки всё на тебя, про тебя, из тебя.

Так было, так есть, и так будет ещё пару лет.
А может, не пару. А может, и вовсе не будет.
Так думаю я каждый вечер. Мне нравится думать.
Не думать конкретно вот это, а думать вообще.
Плывёт по реке златоглавый и тёплый моллюск,
Луч мрака, со дна восходящий, потерянно застыл.
Великое счастье бывает великим и счастьем.
А мелкой и грустью бывает лишь мелкая грусть.

2018

Стихи, пережитые после первого дня работы в офисе

Я вышел в город, тёмный, неприметный.
И этот город был — как на конверте
Обугленная марка в пять рублей.
Он лил свои огни как кровь из раны,
А сам молчал, ложась сугробом рваным
На мило заплетённые пути.

Сам город показался отдалённым
От всякого, что было вмещено в нём
(Среда всегда невнятной чем продукт).
И, кажется, защиты возжелать бы,
Подумать бы о лесе, об усадьбе...
Но всё, казалось,, будто хорошо.

Всё сгладилось — под собственной громадой
Раздавленное, вытекло в усладу,
Залило щели, смазало края.
Хотелось мокнуть перед ржавым ливнем
И попадать ногами в луж обрывки,
Шуршать пакетом, видеть светофор

И всё такое... Да. И всё такое...
И, может быть, прозвать иной любовью
Зияющее море нелюбви,
Простёртое под облаком нежизни,
Переопределяемое выспрью
Надпротивоположности ему.

2018

Вдруг заметил, что, сколько на свете я ни живу,
Сколько разное горе и счастье меня не трогают,
Мне важнее всегда не какую я ем еду
И не кто со мной рядом, а только пейзаж за окнами.
Если там не колючая тьма, не сплошной забор,
Не оборванный хиленький кустик, дождём намоченный,
То становится менее страшно идти домой,
Даже если там пыльно и пусто, и даже осенью.

Вряд ли вспомню любимую, друга, коллег, себя,
Вряд ли вспомню хоть что-нибудь десятилетней давности
Кроме хвойного леса во всю ширину окна
Или города, до горизонта вдаль уходящего —
Как волнение крон прикасается к небесам,
Как вдоль зданий струится оборванной плиткой улица
И прохожих с машинами дышащая гряда,
Непонятно живых, преднамеренно существующих.

А куда же ещё — ведь не в зеркало ж мне смотреть,
Не на вымытый пол, не на отсвет луча бесплодного.
Да оставьте! Никто не отхватит ни жизнь, ни смерть,
Ни отдельную комнату. Только пейзаж за окнами.

2018

Посвящение Киеву

Днепр на ветру поблёскивает искусно,
Зелень холмов окрашивает жара.
Необозримо-широкое захоlustье.
Неосвещаемо-долгая кутерьма.
Место под солнцем, занятое другими,
Мирно соседствует с местом пустым ещё.
Не приезжайте в Киев. Он вас не примет,
Не обратит внимания, не спасёт.

В слое предельно сплюснутого покоя
Можно, гуляя, вскользь различить себя,
Если идти и метро, и машинам вровень —
Хоть не по скорости, но по углу к дождям.
Все положения — между каких-то «между»,
В небе за тучей с трудом различишь луну.
Не приезжайте в Киев. Он не утешит.
Не облегчит страдания и нужду.

Быт поделён на окрестности затхлых станций,
Солнечнолесье и творческий полигон.
Век протекает невымученно и разно,
Даже нищущий что-то себе найдёт.
Только нащупаешь вдаль уходящий путь свой —
Сразу приснится синь, залюбится зыбь.
Не приезжайте в Киев. Он не отпустит.
Он никогда не даст о себе забыть.

2018

Озираясь на день мой завтрашний,
Опасаясь хандры и убыли,
Я всегда оставляю пятнышко
На заполненной карте путанной.
Обогнутое ста дорогами,
Режет глаз оно ежедневно мне,
Не квадратное и не круглое,
Непонятное и нелепое
Рядом с лесом и деревеньками,
Отстающими по развитию,
Между двух городов, где встретил я
Многих, с кем не хотелось быть потом.
Я когда-то его исследую, до конца,
Поперёк и вдоволь всё.
Это будет моё последнее,
Навсегда бесконечно новое
Дорогущее путешествие,
И ценой ему будет тот момент,
Когда я зарисую вместе с ним
Весь остаток карты земли моей.
И вся карта предстанет пятнышком,
Чёрно-вычурным, цвета маркера,
Отрезвляюще-ослепляющим
И не знающим, деть меня куда.

2018

У длинной-длинной чёрной-чёрной
Стены
Лежали розы, ярких розы
Две-три.
Они не вяли (а вполне бы
Могли).
Их ветер мял и колыхал, но
Не бил.

Был век прозрачен, воздух мелен,
День длин.
На небе — небо, на дороге —
Пути.
Спешил прохожий — полной грудью,
Не в такт..
А что тут скажешь? Ничего же.
Вот так.

Три алых розы так банальны,
Как всё —
Как дождь над лесом, как над лодкой
Весло.
Две алых розы не намного
Новей —
Как дождь над озером, как лодка
На дне.

Сжигай тетради, лезь на гору,
Грей быт,
А у стены лежат живые
Цветы —
У чёрной-чёрной два-три алых,
Не сваяв.
Мир ни при чём тут. Мир не чёрн и
Не ал.

2018

О, моя дорогая, моя несравненная леда,
Ледокол мой под солнцем блестит и отчалил к тебе.
Лёд потаял, а крошки в воде так нежны на рассвете,
Как нежны были слёзы обоих в порту при дожде.
При дожде даже слёзы нежны, словно альтернатива
Дико рваной воде, беспризорно летящей вразброс —
Непрерывно текущий осадок тоски и надрыва,
Эта соль, что я сквозь океан в самый полюс пронёс
И сравнял его с морем, и нашими сделал глазами
Чтоб смотреть из него прямо вверх, то есть прямо туда,
Где магнитное поле, как в старом учебнике, станет
Заворачивать стрелкой до юга, лиясь без конца
Через две крайних точки как жизнь через душу и тело,
Как любовь через мой тяжкий вздох и улыбку твою.
Тают крохи в воде, и уже только гладь без предела —
Так нежна, как глаза под слезами всё в том же порту.

«Жизнь, говорю я, жизнь всё равно прекрасна!»

(Ю. Левитанский)

Неделю нет ни денег, ни воды,
Ни взрыва вдохновения и скорби.
И глюченный кофейный автомат
Мигает молча в полутьме пространства.
И даже и не хочется писать —
Ни денег, ни воды, ни вдохновенья.
Лишь радует решение задач
Смекалки волшебством уже привычным.
Да чувствуешь себя как старый маг
Который знает пару заклинаний,
Прекрасно их на деле разучив,
А новые уже не изучает.
А глюченный кофейный автомат
Мигает молча в полутьме пространства,
А денег нет...

Но жизнь-то!
«ЖИЗНЬ ПРЕ-КРА-СНА» —
Я говорю.
А денег нет и нет.

2018

Цикл

«Спасибо, добрый стражник, что, глумясь,
К моим больным глазам поднёс ты факел.
Я так мечтал вблизи увидеть пламя...»
(Вадим Левин)

Когда-нибудь ни меня, ни тебя не будет на этом свете.
Так что ж не побыть нам пока мы есть, пока за окном дожди?
Другого не выпадет шанса нам, и не потому что смертны,
А просто раз шанс этот сам другой, то выпадет он другим.

Мелькают спиральные холода — получкой, утечкой, встречкой.
Невыверенность пятипалых искр сжигает дома и дни.
Другого меня не пребудет здесь и не потому что вечен,
А просто раз я этот сам другой, то и прибывать — к другим.

Сегодня хорошая белизна, а есть ведь ещё белее —
В отдельности пятен зашит секрет бездельности их чернил.
Других параллелей не отыскать, и не из-за качеств этих,
А просто раз те параллельны нам, то сразу и всем таким.

Есть что-то вечное во всём ежесекундном,
Испепеляющее знания дотла,
Ниспровергающее реплику сосуда
До глухоты его раздраенного дна.

Есть что-то искреннее в старости вселенной,
В её недопоколебимой густоте —
В её неясности как замкнутой системы,
Но ощущаемости в каждом тупике.

И всё невидимо, и всё элементарно
(Во всяком случае, когда ты — элемент).
И правду можно заменить примером правды
О том, что правде может быть один пример.

Наряжайся хоть осенью в белый, хоть летом в серый,
Хоть ищи в небе звёзды среди светового дня...
Кто был первым — давно уже умер. А ты — не первый.
Ты не прерван пока, и не верно бы рвать, ревя.
Ведь любая весна — это выводок, выпад, предок,
Парадокс окрылённости падающей реки.
Всё ходящее где-то под небом — уже не небо.
Всё маячащее вдали — где-то там, вдали.

Запоздал на признание в жизни — пожил и помер,
Не сознавшись себе в том, что ты — это всё, что — ты.
Ничего ты не можешь «держать на своих ладонях».
У тебя есть ладони, но «на» — это их черты,
Это их ограниченность, собственная усталость,
Каталог невзаимосодействия всех со всем,
Собирательный образ того, что уже осталось
В ту секунду, когда оказалось, что вдруг «уже».

Слишком много воображаемых диалогов.
Слишком много кусков пространства в одной связи.
Постоянная жизнь с натянутым чувством долга,
С неизменным восторгом и торгом на всё внутри —
Словно солнце меня обязывает светиться,
Словно травы меня обязывают расти,
Словно свет, отражённый от непроходимых лиц вниз
Зажигает непререкаемые пути.

Если больше, чем есть — это всё уже очень много.
Если меньше, чем может быть — мало ещё. Но ведь
Это вряд ли мешает идти по любым дорогам,
Ибо где нет меня, всё что может быть — то и есть.

Начинается день. Запевают станки и птицы.
Я дышу, наклоняюсь и слушаю плеск воды.
И волна никогда не в силах остановиться,
И река никуда не может за ней пойти.

И очень хочется заплакать,
И очень хочется взлететь
Над пылью выбеленных пахот,
Над позолотою земель —
Слегка задвинув горн за корень,
Слегка поддев слезу дождём,
Одушевляюще-достойно
Взлететь захлынувшимся льдом,
И сомневаться, но остаться
Волнообразным рубежом
Настырной поступи пространства,
Заворожённого в ожог —
Отлитой ленью, томной думой,
Забытым зеркалом резным,
Где всё, что было, всё, что будет,
И всё, что может и не быть.

2019

На музыку Legrand «Windmills of your mind»

(вдохновлено исполнением Elan Catrin Parry)

Каждый раз, как только, ярче вспыхнув,
Солнце скроется в земле,
Этот свет приходит ночью,
Сразу после темноты.
Я смотрю в него как в щёлку,
Я смотрю в него как в день,
Уходящий безвозвратно
От меня через меня,
Собирающий обои и соседнее окно
И сверкающие горы в диких травах и снегах
В еле тёплый тонкий луч
И несущий вникуда.

Этот свет приходит ночью
И царапает лицо.
Я смотрю в него как в лето,
Обделённое грозой,
Как в следы дождя на камне,
Как в песчинки на воде,
Как в последнее, что можно
Не принять и не спугнуть.
На далёком тротуаре
Промелькнёт чужая тень,
Упадёт случайный камень
И завьюжится костёр.
На секунду всё пройдёт
И воротится назад.

Этот луч проходит мимо
И как будто говорит
Обо всём, о чём молчать бы
Всё должно и всё молчит —
О штормах, обжатых в тропы,
О мостах, упавших ввысь,
Об удушливом желанье
Всё забыть и замолчать.
И когда я успокоюсь,
И когда я замолчу,
Этот свет продолжит плавать
Между окон и домов,
Забирая не секунды,
Но последнее, что в них.
Он войдёт в меня и молча
Просочится сквозь меня.

Каждый раз, как, ярче вспыхнув.
Солнце скроется в земле,
Этот свет приходит ночью,
Сразу после темноты.
Я смотрю в него как в день.
Я смотрю в него как в мир.
И не знаю, что ослеп.

2019

«Знаешь, всё ещё будет» — поётся в песне.
Только это не песня на самом деле.
Это было стихами, а песня просто
Утащила, украла, подмяла, смыла.
И мы думаем: раз уж случилась песня,
То, наверное, всё точно так и будет.

Только это — не песня. Стихи — не песня.
С песней, правда, что строится, то поётся.
А стихи — пререкание, шёпот, эхо,
Ими делятся лишь бы не делать так же.

Но во веки веков, лишь о чём-то важном
Или просто ясном стихи возникнут,
Сразу кто-то на них как наложит песню...
И уже всем покажется, что всем нужно,
Что мы прямо настроены словно струны,
Что как в песне поётся, так мы и дышим.
А на самом-то деле — стихи стихами.

2020

Ночь. Попутчик, мне нужно твоё плечо, тебе нужно моё плечо.
За окном — только фары, степь да туман, и дорога длинна-длинна,
И ни я, ни ты не умеем спать, не склонив себя ни на что.
А окно — холодное как окно и дрожит как твоя душа.

Но, конечно, никто, ни один из нас, ни один из таких, как мы,
Не осмелится что-то произнести или просто как есть прильнуть.
Потому что мы видимся первый раз, и единственный за всю жизнь,
И научены это, храня баланс, не ценить, а перетерпеть.

Колосистый автобус, бессонный полк... Для того, видать, и нужны
Эти дутые пары в сухой тоске, ломкой неге, пустых словах,
Чтобы плыть себе степью во все концы, засыпая плечом к плечу
И ни разу не видя туман и ночь без каймы городских огней.

2020

Вдоль поля ехал паровоз,
Светило солнце в полный рост
И девочка своих волос
Рукой касалась.
Смотрела, щурясь и смеясь,
Усердно вслушивалась в лязг
И представляла города,
Моря, вокзалы.

Дым рисовался, дым дрожал.
По-детски томный летний жар
Мутил глаза, но ни глаза,
Ни взгляд не меркли.
А машинист летел сквозь мир,
На руки голову склонив,
И думал, сколько в мире книг
И сколько дела,

Про олимпийские огни,
Про цену крыши, сорт муки,
И, возводя вонне гудки
От спешной скуки,
Не знал, что девочка — жива,
Что между ними — лишь трава,
И что иначе никогда
Уже не будет.

Так шился мир. А ветра взмах
Торжествовал над ним, никак
Не низводя и не тесня
Ни рук, ни рельсов —
Лишь лёгкий волос рвался вон
От тонких пальцев тёплых волн,
Как плохо сцепленный вагон,
Как дверь подъезда.

2020

Коронавирусное

А потом это всё пройдёт
И введут безусловный доход.
И поедем с тобой не искать себе новой работы,
А к рассвету на самолёт.
Будем книжки писать круглый год
И всё трогать.

Да, пройдёт. Испарится вдызг.
И вернут безусловную жизнь.
Чтоб не страшно случайно ладонью коснуться ладони
И обняться толпой
Или мчаться без цели, латая душевный покррой,
На метро сквозь весь город.

Пусть проходит. А если нет,
То — опять безусловный сюжет,
Где к красавице, спящей в клубке аппаратов и капельниц,
Обречённой на вечную «жизнь»,
Возвращается маленький принц
И, склоняясь до слизистых, прямо на слизь
Кашляет.

2020

Вот так и устроен мир: бережок
И рябь вдоль его изломов.
И я, всё пытающийся, смешной,
Насечь это всё на фото —
Плеск утки, слой мха, преклонённый ствол
И небо в побелке рваной,
Блестящей всего под одной звездой,
Всего над двумя глазами.
Да нет, это кажется — что ветра
Уносят в иные выси.
Везде озаряются небеса.
Везде берега осклизлы.
Нигде еле видимая волна,
Пройдя отраженье солнца,
Не станет пытаться его глотать,
Чтоб сделаться чаще, больше...

Страдание — может быть, и не бред,
Но точно игра, открытка.
Вот утка, плывущая по воде,
Вполне к небесам привыкла.
Её не заботит голубизна,
Взрастающая порою,
И ветер, смыкающий облака
Над этой голубизною.
Ни россыпь монет по речному дну,
Ни я, об неё идущий.
Её беспокоит не что вокруг,
А что ей сегодня кушать.
Всё это земно как обрывки мха,
Смешно как лучи на волнах,
А всё-таки мир и устроен так —
Ни выправить, ни исполнить.

2020

Город, где незнакомцы друг с другом всегда на «Вы»,
Недорубленный лес — лишь каркас для велодорожек,
А в иконках о встрече отчаянно срощены
Пожимание рук и символ ещё чего-то.
Если здесь не потребуешь масла, не бросят хлеб.
Если не говорят поддержать, то не лапай лапой.
Птицы ночью поют и мы тоже освоим петь
В самой пустошной тьме под достаточно мощной лампой.
Тарахтят поезда по просёлочным ледникам,
Слитки пряной руды выползают из дыр комбайнов...
Нет, неправду твердят, что не верит она слезам.
Она просто не признаёт их существование.

2020

Я иду мимо вас, просто так иду мимо вас.
Вам не нравится профиль, анфас, вообще каркас?
И баланс на моих весах, и маяк, и храм?
Потерпите чуть-чуть. Я ведь мимо вас, а не к вам.

Я иду мимо вас и мимо этой пурги
Не согнать вас с печи, не похитить ваши снопы,
Не сдирать с вас долги, не выпрашивать с вас аванс.
Я иду мимо вас только чтоб пройти мимо вас.

Так уж вышло. Дорога, естественно, не одна,
Но чтоб как-то вела, где-нибудь и идти должна.
Так уж вышло: куда ни глянь, куда ни ступи,
Будет мимо кого-нибудь. Кто-нибудь здесь — вы.

Так что просто прикройте глаза, подкрутите слух,
Сдвиньте фокус с меня на сплошных не меня вокруг,
Объявите, что я молекула, капля, грязь.
И не троньте меня. А я пройду мимо вас.

2020

Я знаю, что боль конечна, а смерть мгновенна,
А всё остальное — отростки их и ростки.
Поэтому каждый толкующий о вселенной
Мне кажется рябью, трактующей суть воды.

Я знаю, что высь — в искусстве, искусство лживо
И корень один у больших красоты и зла.
Поэтому каждый живущий благим порывом
Мне кажется снегом, косящим под листопад.

Я знаю, что вечная истина неестественна,
Что явь оппонирует формулам, а не снам.
Поэтому каждый мечтающий о прозрении
Мне кажется пеплом, мечтающим о ветрах.

2020

Светом изливаются, как правило, те,
Кто уже понемногу сроднился с тьмой,
Кто сказал: «Вот вся моя тьма, а вот
Я отсыпал света, сюда смотрите».
И звёзды рисовать проще не с натуры,
А с куска колбасы и хорошо выпавшись.
Получаются красивые чёткие звёзды.
Светят и греют, да не умирают.

2020

Мошки любят кровь, но
Не любят вишнёвый сок.
Биология говорит нам:
Всё живое имеет запахи.

Засыхают по-разному
Кровь и вишнёвый сок.
Ибо химия говорит нам:
Вещества вступают в реакции.

Даже цветом различны
Кровь и вишнёвый сок,
Ибо физика говорит нам,
Что частицы фильтруют спектр.

Но одна и та же уборщица
Убирает и то, и другое.
Экономика говорит нам:
Спрос рождает предложение.
Ах, непозитичная экономика,
Даже анапест сбила.

2021

— Человек, обернись! — говорю. Человек стоит.
Человеку не более тысячи лет на вид,
А стоит, словно он — гора, словно он — печаль,
Окружённый разверзнутой полостью лепечья.
Он стоит, и беспечный поток неживых частиц
Огибает изгиб его глаз, прямоту ключиц.
Он одними зубами выдавливает слова,
Только не про себя, а про море и острова:
Мол, волна бьёт о берег, чайка взмывает ввысь,
Верен путь до мечты, коротка и прекрасна жизнь!..

Я ему говорю: «Человек, а что там, в тебе?».
Человеку на вид не больше тысячи лет,
А он льёт, словно он — надежда или звезда,
Те лучи, что любое пространство пересквозят.
Он цедит: «Мир увяз в тепле, обмелел в грехах.
Вавилонская башня — ни фи́га не маяк.
Принесём же растения в жертву большим камням,
Чтобы вечно нам, вечно им, вечно нам, вечно им, вечно нам...»
И частицы то вьют, то стирают на нём следы,
Словно ток их — круговорот, а он — материк.

Я ему говорю: «Человек, ты один, одииин...».
Человеку на вид не больше тысячи зим,
А он крошится, словно рояль или страх стыда,
И впадает в поток (надежду свернуть тая).
Я ему говорю, я ему ещё говорю,
Наблюдая, как он свою пустыню в свою
Превращает тень — тень тысяч тысяч кусков.
А поток неживых частиц всё не жив. И вот
Голова, оставаясь одна, из последних сил
Открывает рот... Но больше не о ком говорить.

2021

Ко дню поэзии

Наша Таня громко плачет —
Уронила в речку мячик!
А вот Маша не рыдает:
Вслед за мячиком ныряет,
Из воды его несёт
И бежит на стадион,
Набивая мяч от счастья
Прямо на проезжей части.

Таня только громче плачет:
Маша умыкнула мячик!
Тише, Танечка, не плачь.
Машу раздавил тягач.
Восемнадцать тонн над ней.
Ну а мячик по траве
Покатился, зашуршал,
И застыл. И возлежал.

Таня утирает слёзы,
Смотрит сквозь весенний воздух
На речные берега
И, в душе едва дрожа,
Тихо, медленно, но гордо
Прямо к мячику подходит.
Наклоняется к нему,
Прикасается чуть-чуть...

Тот в ответ как затрясётся,
Как зардеется на солнце!
Обжигает пальцы рук,
Издаёт гудящий звук
И, обдав лицо дымами,
В синем пламени сгорает,
Оставляя по себе
Только копоть на траве.

Таня, рухнув наземь, плачет —
Жалко и себя, и мячик.
Тише, Танечка, не плачь,
Это не последний мяч.
Мы всё знаем, понимаем —
Каждый пробует, «играет».
Просто больше не бери
(Не утонет, так сгорит).

Лучше уж поплачь о Маше.
Ведь не дура, а туда же...

2021

Будь я шекспироведом, я бы всем
Рассказывал всегда одно и то же:
Ромео у балкона говорит,
Что чтобы называться по-другому,
Готов он вновь крещение принять.
Но ведь, крестя, дают нам только имя!
Фамилия ж с рождения навек,
И именно в фамилии проблема.
Выходит, мы два имени несём
Не для того, чтоб лучше различаться,
А чтоб одно могли нам выбирать
(Пуускай не мы, но выбирать из многих).
Другое же стояло за спиной
И вечно норовило нас задвинуть
Себе за спину.

Видимо, Шекспир,
Плодя героев, главного не вывел.
Им мог бы стать чиновник, лысый клерк.
Способный в официальном документе
Спокойным длинным росчерком пера
И резким ударением печатью
Фамилию Ромео поменять.
Ведь то, что нам дано без обсуждения,
То может и должно без ритуалов
И объяснений быть отменено.
А семьи пусть себе враждуют дальше,
Раз им уж так по духу враждовать.

Такой герой тогда не уродился,
Его эпохе долго было зреть...
Но глупые влюблённые мечтали
Сменить себе сменяемое имя,
Как будто бы надеясь, что другое,
Смешно сказать, последует примеру,
Сменяемость попутно обретя,
Одобрённую так же или тем же
И столь же сложно выстроенную.
И в этом-то их главная ошибка,
Её и исправляет их финал.

2021

**«Всі ми хочемо іноді отримати славу.
А іноді, коли ти хочеш слави,
ти отримувеш голосування.»**

*(В. Зеленский об увольнении
Верховной Радой одного из министров)*

Твоя одежда смотрит на меня
Густым необъяснительным прощанием.
Чужие стены, запах ноября,
Бесправное и долгое молчание...
Ведь я боялся более всего,
Что ты слезу проронишь, душу вывернешь.
А лист летел-летел — и на балкон,
На крышу над балконом. И не скинешь ведь!

Когда поют, что врут календари,
Слегка лукавят — раньше тоже вралі ведь,
Но просто удавалось делать вид,
Что все им верят. А теперь устали врать
И я, и ты, и воздух, в темноте
Так и не напитавшийся сухим огнём.
Так что ж искать вины в календаре?
Он просто помнит всё. Мы тоже помним всё.

Бывает время сделать шаг назад
Когда вперёд не страшно, но и некуда,
А спину неприлично показать
От полного отсутствия ранений в ней.
И хочется хоть взгляд не разорвать,
А об порог споткнуться — очень хочется...
Так выборы возносят вариант.
Так загранпаспорт исключает отчество.

2021

Исчезай,
как звезда заслоняется облаком или рассветом.
Исчезай,
как уносит осенние листья порывистый ветер.
Исчезай,
как сырая тоска ускользает сквозь щели отчаяньем сжатой ладони.
Как моя немота в неотходчивом времени тонет.

Забери
холостое тепло над подтреснувшими мостовыми.
Забери
нашим встречам нечаянно данное громкое имя.
Забери
мои хлипкие рифмы и вечной своей аритмии громоздкую дрянность.
И неслышно пройди если где-нибудь всё же застанешь.

Только будь
ни огнём, ни червями не пожранной вшитой страницей.
Только будь
неопытным бугром в тонком нерве у края ресницы.
Только будь
насекомым жужжащим, узором крыла оплетающим тлеющий сон мой.
Сорняками вдоль рельсов, невидимыми из вагона.

Потому
что искусство поэзии требует дури и боли.
Потому
что всему своё место, но всякому месту своё ли?
Потому
что довление факта над былью подвержено жалости вольных трактовок.
Потому что уже. Потому что, а как по-другому...

2021

Посвящение усадьбе Средниково

С Ленинградского вокзала к Фирсановской
Электричка не спеша отправляется.
Электричка дребезжит, люди ёрзают,
А за окнами — последний день осени:
Тонкий снег, преумножая обыденность,
Возлежит на проводах и обрывках стен,
Две собаки пробегают по слякоти.
И как будто всё равно всем, куда катить.

Я качу туда, где хаживал Лермонтов.
Я не Лермонтов по жизни, наверное,
Но приятно приобщиться немного хоть
Не к певцу, так уж хотя бы к стихам его.
А стихи — такая штука, не буковки..
Им бы путь. А лучше даже — какой-то пруд,
У которого стоял молодой поэт,
У которого страдал, умывался, ел.

Почитаешь так стихи возле прудика —
И уже не всё равно ни к кому катить,
Ни о чём писать, ни чем зарабатывать.
А что снег — вдруг всё равно. Снег растает ведь.
И с Фирсановской назад к Ленинградскому
Электричка не спеша отправляется.
Электричка дребезжит, люди мёрзнут в ней.
А я сплю. Я сплю, и кажется, вот я весь.

2021

Ты реально не понимаешь, друг, почему
Я молчать не могу, но и не молчать не могу,
Почему я пишу только в рифму и только в столбик
И давно не пытаюсь кого-то доубедить
В том, что идол с дубиной — сомнительный ориентир
Даже в самых потёмках?

Ты реально не понимаешь, друг, почему
Ветер вечно срывает высохшую листву,
Несмотря на то, что и новая вся иссохнет,
Почему обезьяна, прыгая морю в такт,
Никогда не научится волнам ни подражать,
Ни гасить эти волны?

Ты реально не понимаешь, друг, почему
Я в твой дом даже справить надобность не зайду
Если вместо фундамента там шелуха от семок?
Ты реально не понимаешь. Ты не тупой,
Не упрямый. Ты просто выбрал такую роль.
Обокрал проблему.

2022

На землю падал снег. Он был не быстр,
Но раньше достигал земли чем таял,
И всем полётом будто говорил,
Что знает, знает о начале марта.
Снежинки, от отчаянья трясясь,
Ложились не сугробами, а сором,
И вдоль домов оттаявшая грязь
Презрительно смывала их узоры.

Так человек, когда приходит смерть,
Обычно знает, что она приходит,
Но всё же не перестаёт лететь
Туда, где до того не таял, вроде.
А те, кто без того уже мертвы,
Обильно хают всё его попытки,
И думают, что сами — соль весны,
Что птицы не листве поют, а им гимн.

2022

Человек привыкает
Ко всему, ко всему.
Пропечённую память
Не загопишь вздремнуть —
Наливается память,
Застывает в глазах.
Человек привыкает
Навсегда, навсегда.

Он сегодня пернатый,
Полон сил и забот,
Завтра ветры изранят —
И бронёй обростёт.
Не гудят перекаты,
Не саднит горизонт.
Человек убегает
От всего, от всего.

Вдоль реки возле склона
Голубые дома.
По ветвям оголённым
Шебуршится весна,
Солнце небо дырявит,
Рыба тонет в реке.
Человек исчезает
Налегке, налегке...

2022

Дмитрий Зуйков
Посвящение Ольмезову Косте

Ты жил наукой, в теоремах,
Рой аксиом тебе был другом.
Писал стихами о проблемах,
Что мир ломали так угрюмо.

Ты верил в разум человека,
Пусть и не стал он «сверх» по Ницше,
Что можно в мире жить навеки
Где логика с моралью дышат.

Но человек стал кровожаден,
И ты погиб в его объятьях,
Мир теорем разрушен «Градом»,
Ты видел зомби, а не братьев.

Кричали в телек, что нет крови,
Свободу лишь несут невинным.
Свободный воздух несвободы
Изранил глотку чёрным дымом.

Поэт в тебе вдруг задохнулся,
Учёный отравился ложью,
И ты шагнул за край искусства,
Сказав, что жить так невозможно...

Javier Yániz
Konstantin Olmezov

Sobre la hoja de cálculo combina
todos los posibles nombres de las cosas:
halló que *libertad* es una *lucha*; que
náufrago puede ser *Delacroix*, también *Rusia*;
que *tú* fuiste *paisaje* y el *tiempo* se pesa en *miligramos*.
Esa hoja de cálculo fue un mapa del exilio,
lenguaje herido, llaga que se aloja en el costado
sin permiso. Y una bestia la robó, quemó,
hundió en la tierra y la volvió fantasma.
Lo que no sabía era que la voz de los errantes
es *siempre viva* como el *viento*.

2022

Хавьер Янис
Константин Ольмезов

Над листом с вычислениями он сочетает
Всевозможные названия вещей:
Оказалось, что *свобода* — это *борьба*,
Что *потерпевший* может быть *Делакруа*, а также *Россией*;
Что *ты* — это *пейзаж*, а время измеряется в *миллиграммах*.
Этот лист с вычислениями был картой изгнания,
Раненной речью, раной, что остаётся в теле
Без позволения. Но зверь листок украл, сжёг,
Погрузил его в землю и стал призраком.
Только он не знал, что голос скитальцев
Вечноживой, как *ветер*.

Перевод Роза Лермонтова

Содержание

Артисты из бродячей филармонии	6
Спроси у прохожего	8
На асфальте мальчик рисует замки	9
Бетельгейзе, несомненно, больше солнца	11
Расцвела трава!	12
Слива спелая, что ж ты падаешь	13
Мне нравится сидеть в троллейбусе с номером пи	14
Забери меня к себе	15
Загадочность стремлений	16
Укрыто небо серым покрывалом	17
Все стремятся в город	18
Летит по атмосфере новый луч	20
Я денег на стекляшку накопил	23
Черепаша не бежит из зоопарка	25
Жил богатырь на свете	26
По вечерам в подвалах серых	28
Над городом, страной, над половиной шара	30
С подсвечником не все так просто	31
Дороги протянутся далеко	32
Взял я вино дорогое за несколько тысяч	33
Я ухожу из хора!	34
Рабочие, не нарушающие порядка	35
Ни дня арена не пуста	36
Пошёл потоп	38
Идут по городу курящие невесты	42
Я вижу крылья — белые, большие	43
Под завыванье холода	44
Когда громадный день наметил карту ночи	46
Обошедший прозрачно-открытым взглядом полмира	47
Я попадаю (По календарю)	49
Не прерывая беседы	51

Все дороги толкает волна меланхолий слепых	52
Адвентура с адвенчей рубились на смятой горе.....	53
Пока ходьба разводит восходящие потоки	54
На пологом склоне растёт гора.....	55
Мой город	56
Рыба, урождённая и выращенная морем.....	58
Когда машешь крыльями	59
За последним прорывом ко дну	60
По чёрно-белым фильмам	61
Изящная дама, накинув вуаль, лежит на камнях.....	63
Как жаль, что я не узнаю.....	64
По маршрутам экскурсий	65
Через десять лет я напишу стишочек	66
Стекает время	67
Не надо бить лежачего ногами	69
Всё так, как только может быть.....	70
Когда начинаешься ты	71
Я недавно увидел — не будет войны.....	72
Войны начинаются с приказов	73
Ты — лёгкая и несущая.....	74
Я видел иву	75
«А представь себе...»	76
Всё, что я могу — это пару строчек	77
Иванов стоит без дела.....	78
Я шёл, гулял, и сам себя корил	82
Всё надрывнее возвращаться в театры.....	85
От презренья к проигравшим	87
Люди топчут планету.....	89
Утро вечера мудренее.....	90
Закрывай глаза, открывайся солнцу.....	91
Великое счастье моё	92
Я вышел в город	93
Вдруг заметил, что сколько на свете я ни живу	94

Днепр на ветру.....	95
Озираясь на день мой завтрашний	96
У длинной-длинной стены	97
О, моя дорогая	99
Неделю нет ни денег, ни воды.....	100
Когда-нибудь.....	101
Есть что-то вечное в ежесекундном.....	102
Наряжайся хоть осенью в белый	103
Слишком много воображаемых диалогов	104
Очень хочется заплакать.....	105
Каждый раз.....	106
«Знаешь, всё ещё будет»	108
Ночь.....	109
Вдоль поля ехал паровоз.....	110
Коронавирусное	112
Вот так и устроен мир.....	113
Город, где незнакомцы всегда на «Вы».....	115
Я иду мимо вас.....	116
Я знаю, что боль конечна.....	117
Светом изливаются	118
Мошки любят кровь.....	119
«Человек, обернись!».....	120
Ко дню поэзии («Наша Таня громко плачет»)	122
Будь я шекспироведом.....	124
Твоя одежда смотрит на меня.....	126
Исчезай.....	127
С Ленинградского вокзала.....	128
Ты реально не понимаешь, друг.....	129
На землю падал снег.....	130
Человек привыкает ко всему.....	131
Стихи, посвящённые Константину Ольмезову.....	132

Ответственный редактор — Роза Лермонтова
Редактор-корректор — Роза Лермонтова
Помощник редактора — Виктория Подарова
Помощник редактора — Димитрий Зуйков

Lermontova publishing
www.lermontova.net